
KoTiKvKeDaH /
Кровь двух миров
18+

KoTiKvKeDaH /
Кровь двух миров

https://litres.ru/74776959
SelfPub; 2026

Аннотация

Что если однажды принц Преисподней — наследник, привыкший получать ответы силой, властью или страхом — узнаёт, что у него есть сестра скрытая ото всех в мире смертных?

Какова вероятность того, что именно ему — наследнику тьмы, привыкшему к власти и приказам — придётся искать эту «особенную» девушку? Не зная ни лица, ни имени. Только чувствуя, что где-то в мире смертных горит огонь, который не должен был родиться.

Один принц. Одна тайна. И девушка, которая ещё не знает, что за ней уже идут.

Содержание

#Глава первая: Возвращение в Лхасу 4
#Глава вторая: По ту сторону взгляда 34
#Глава третья: След в толпе 67
Конец ознакомительного фрагмента. 115

KoTiKvKeDaH / Кровь двух миров

#Глава первая: Возвращение в Лхасу

Воздух на вершине был разреженным и холодным — тем особенным утренним холодом, который проникает в самые лёгкие, заставляя кровь бежать быстрее, а мысли становиться прозрачными, как горный хрусталь. Скарлет почти не замечала этого холода. Она стояла босиком на влажном от росы камне и позволяла ветру касаться её лица.

Платиновые волосы струились за спиной, словно жидкое серебро, переливаясь в лучах восходящего солнца. Они были настолько светлыми, что казались почти прозрачными на фоне тёмного неба, и лишь когда солнечный свет падал под определённым углом, в них проступал лёгкий, едва уловимый голубоватый отлив — будто в самих прядях застыл кусочек ледника. Волосы были густыми и плотными, но при этом невесомыми, как шёлк, и ветер легко играл с ними, поднимая отдельные пряди и закручивая их в причудливые спирали. Даже в неподвижности они не лежали мёртвым грузом: они мягко ложились волнами, подчёркивая хрупкую эле-

гантность её фигуры, и при каждом резком движении вспыхивали холодным блеском, словно в них отражался лунный свет.

Её лицо было тонким, аристократичным — высокие скулы придавали ему холодную чёткость, а чуть заострённый подбородок выдавал упрямую верность своим принципам. Тонкая линия губ почти всегда была сдержанной: Скарлет не разбрасывалась словами, предпочитая действовать, и лишь лёгкая полуулыбка, которая иногда касалась уголков её рта, выдавала скрытую за этой маской игривость. В её лице была та особенная порода, которую невозможно подделать — не поза, не маска, а внутренняя дисциплина, отшлифованная веками и ответственностью, которую она несла.

Но главное — её глаза. Большие, выразительные, холодного голубого оттенка — такого чистого и пронзительного, что казалось, будто они сканируют собеседника насквозь, выхватывая то, что другие не замечают. Взгляд у неё был тяжёлый, оценивающий, но в нём не было жестокости — только та особенная зоркость, которая приходит к тем, кто слишком долго был вынужден смотреть на мир с опаской. Когда она злилась или в ней пробуждались сильные эмоции, цвет её глаз мог меняться: в глубине вспыхивали красные или тёмно-алые искры, словно в радужке пробуждалось пламя. Это не была слепая ярость — так отзывалась её кровь, когда границы терпения истончались до предела. Но сейчас, в это спокойное утро, её глаза были чистыми, как горное озеро, и в

них отражались только небо и далёкие вершины.

Лёгкий топ из дышащей чёрной ткани облегал её фигуру, открывая загорелую кожу плеч и тонкую талию. Её тело было подтянутым и гибким — не хрупким, а скорее обманчиво изящным, как у хищницы, которая умеет быть плавной, когда нужно, и молниеносной, когда выбора не остаётся. Длинные ноги и тонкая талия создавали силуэт, в котором чувствовалась сила, а плечи, очерченные так, что в каждом движении читалась готовность к рывку, выдавали ту, кто привыкла быть всегда наготове. Спортивные штаны сидели идеально, не сковывая движений, и, несмотря на кажущуюся простоту наряда, в нём была та особая элегантность, которая присуща тем, кто не нуждается в украшениях, чтобы быть замеченным.

Она закрыла глаза и сосредоточилась на внутреннем ощущении стихий. Огонь пульсировал где-то в груди — горячий, живой, нетерпеливый. Он всегда был с ней, сколько она себя помнила. Когда она злилась, он вспыхивал в её ладонях багровыми искрами. Когда она была счастлива, он танцевал в её груди тёплым, уютным пламенем. Огонь был её сутью, её характером, её самой сокровенной частью. Он не терпел лжи и фальши, он был яростным и живым, как она сама. Вода текла по венам прохладной рекой, успокаивая и уравновешивая — она помогала ей оставаться гибкой, когда обстоятельства требовали уступок. Воздух кружился вокруг неё, шепча о далёких землях, о тех местах, где она ещё не была,

но куда обязательно попадёт. А земля под ногами гудела глубоким, устойчивым ритмом, словно сердце самой планеты, напоминая ей, что у неё есть опора, есть корни, есть место, куда можно вернуться.

Однако основной и самой любимой стихией для Скарлет оставался огонь. Он всегда был с ней, сколько она себя помнила. Когда она злилась, он вспыхивал в её ладонях багровыми искрами. Когда она была счастлива, он танцевал в её груди тёплым, уютным пламенем. Огонь был её сутью, её характером, её самой сокровенной частью. Он не терпел лжи и фальши, он был яростным и живым, как она сама.

Но сегодня что-то было не так. Огонь внутри неё не успокаивался. Он трепетал, словно предчувствуя что-то важное. Скарлет пыталась сосредоточиться, успокоить его, но он упрямо вырывался из-под контроля, заставляя её дыхание становиться чаще:

«Что с тобой?»* — мысленно спросила она, обращаясь к пламени внутри себя — *«Ты никогда не ведёшь себя так без причины». Но огонь не отвечал. Он только пульсировал сильнее, словно пытался сказать ей что-то, что она не могла услышать. Скарлет нахмурилась и попыталась направить его энергию в землю, как учил её Лобсанг, но огонь упрямо вырывался, заставляя воздух вокруг неё искриться.

Скарлет сделала вдох. Пламя внутри дрогнуло и успокоилось. Вода отступила в глубину. Воздух перестал рваться в разные стороны. Четыре стихии не подчинялись ей слепо.

Они признавали её силу, но требовали равновесия. Стоило ей позволить страху взять верх или спрятать гнев за привычной усмешкой — и гармония рушилась.

— Ты слишком сильно давишь на воздух, — раздался низкий, с лёгкой хрипотцой голос у неё над ухом. — Он не любит, когда его сжимают. Он любит, когда с ним танцуют. — На плечо Скарлет опустился огромный чёрный ворон. Его перья отливали синевой, а разумный взгляд делал его непохожим на обычную птицу.

Скарлет не открывая глаз, усмехнулась. Голос был ей знаком до мельчайших интонаций — он принадлежал тому, кто был с ней дольше, чем любой монах, дольше, чем любая семья. Тому, кто видел её в самые тёмные моменты и никогда не отворачивался. — Ты бы предпочёл, чтобы я просто плясала тут, как ты со своей любимой вороной на ветке?

— Я — ворон, а не ворона, — поправил Мурасамэ, бесшумно опускаясь на её правое плечо. Его чёрные перья блестели на солнце, как полированный обсидиан, а в умных тёмных глазах плясали искорки насмешки. — Я куда изящнее, если ты не заметила. И я, знаешь ли, древнее существо, а не какая-то дворовая птица, которая клюёт крошки у порога.

Скарлет наконец открыла глаза — холодные, голубые, с лёгким хищным прищуром. Она повернула голову, чтобы посмотреть на него, и в её взгляде мелькнула та самая искорка, которую она обычно прятала от посторонних. — Заметила, заметила. Ты у нас не просто ворон, а король сарказма и

язвительных комментариев. Я в курсе.

— Всего лишь король? — Мурасамэ склонил голову, делая вид, что обижен. — Я думал, я как минимум император. После стольких тысячилетий практики я заслужил хотя бы титул.

— Тебе более девяти тысяч лет, а ты всё ещё сидишь на моём плече и критикуешь мою технику, — фыркнула Скарлет, хотя в голосе слышалась тёплая насмешка. — Может, мне стоит найти кого-нибудь более вежливого? Например, какого-нибудь милого котика?

Мурасамэ наклонил голову, внимательно глядя на неё и его клюв был всего в паре сантиметров от её виска.Мурасамэ наклонил голову. Клюв оказался всего в нескольких сантиметрах от её виска. — Котика? — переспросил он с таким презрением, что Скарлет едва сдержала смех. — Ты хочешь заменить древнего стража и мудреца на пушистого зверька, который будет спать у тебя на коленях и просить еду? Это оскорбительно.

— Ой, ну прости, — она улыбнулась, и в её голосе послышались нотки примирения. — Я просто пошутила. Ты у меня самый лучший, самый мудрый и самый язвительный ворон во всех мирах. Доволен?

— Почти, — Мурасамэ приподнял голову, изображая королевское достоинство. — Но если ты продолжишь в том же духе, я начну каркать тебе в ухо каждый раз, когда ты будешь пытаться медитировать.

Скарлет рассмеялась — тихо, но искренне. Мурасамэ был одним из немногих, кто мог позволить себе говорить с ней без почтения, страха или скрытого расчёта. Он не видел в ней ни знаменитость, ни наследницу загадочной силы. Для него она оставалась той же девочкой, которую он когда-то повстречал, — упрямой, испуганной и слишком гордой, чтобы признаться, что ей страшно.

— Ладно, ты победил, — она подняла руки в шутливом жесте капитуляции. — Никаких котиков. Только ты, моя ворона-император.

— Я ворон, — поправил он с достоинством, но в его голосе слышалась довольная нотка. — И ты это знаешь. — Мурасамэ замолчал на мгновение, и Скарлет почувствовала, как по их связи пробежала волна напряжения — холодная, острая, чуждая недавней лёгкости. Ворон редко замолкал просто так. За долгие годы она научилась различать оттенки его молчания: задумчивость, раздражение, усталость. Сейчас же это было предупреждение.

— Что случилось? — спросила она тихо, и в её голосе не было привычной игривости — только тихая, настороженная серьёзность.

Мурасамэ помедлил, словно собираясь с мыслями, и его перья чуть взъерошились — признак того, что он взволнован. — Я только что облетел Лхасу, — произнёс он, и его голос утратил привычную насмешливую лёгкость, став низким и серьёзным. — Город готовится к фестивалю. Людей много,

почти как в прошлом году. Торговцы уже начали устанавливать палатки, дети бегают по улицам, монахи развешивают флажки. Всё как обычно.

— Но? — Скарлет напряглась, чувствуя, как внутри неё снова вспыхивает тревожный огонь.

— Но есть кое-что ещё, — Мурасамэ сделал паузу, и Скарлет почти физически ощутила его тревогу — она передалась через их связь. — Я чувствую энергии, которых не было раньше. Они достаточно сильны, но размытые, как будто их накрыли плотным одеялом. Я не могу определить их природу — земля Лхасы глушит мои способности, — он снова замолчал, и его клюв чуть приоткрылся, словно он принюхивался к воздуху. — Но они здесь. И они не местные, я уверен в этом.

Скарлет нахмурилась. Её брови сошлись на переносице, и в её взгляде мелькнула тень беспокойства. — Демоны? Боги? Или кто-то ещё? — она напряглась, и воздух вокруг неё на мгновение стал тяжелее, словно сама атмосфера откликнулась на её эмоции. Вокруг её пальцев пробежали крошечные искры — огонь, который она едва сдерживала.

— Не знаю, — его голосе послышалась редкая для него неуверенность, которая тревожила сильнее самой новости — Я пытался разглядеть их, но они умело скрываются, либо им кто-то помогает. Мы были далеко почти полгода: твои туры, встречи, переговоры, дела Оливера. За это время многое могло измениться. Возможно, нам стоило вернуться раньше.

Скарлет перевела взгляд на горизонт. Лхаса лежала перед ней, как драгоценная шкатулка, сверкающая золотом и красным в лучах утреннего солнца. Она видела этот город тысячи раз — с высоты гор, из окон храма, с узких улочек, где каждый камень был ей знаком. И всё же сейчас он казался чужим. Тревожным. Полным тайн, которые она не могла разгадать. — Ты думаешь, это связано со мной? — спросила она тихо.

— Я не знаю, — честно ответил Мурасамэ. — Но я чувствую, что это не просто совпадение. За почти двести лет, что ты живёшь в этом храме, никто не искал тебя. А теперь, когда ты вернулась после долгого отсутствия, появляются эти энергии? Слишком много совпадений.

— Или слишком мало, — усмехнулась Скарлет с горькой иронией. — Ты же знаешь, что я не верю в совпадения.

— Я знаю, — Мурасамэ коснулся клювом её виска — коротко, почти невесомо. — Поэтому я предупреждаю тебя.

Скарлет перевела взгляд на храм Джокханг, где она жила и училась управлять своими способностями почти двести лет, стоял на небольшом склоне Тибетского нагорья. Тысячелетия назад это место выбрали для строительства не случайно — оно было благословлено древними богами, и земля здесь хранила их силу. Говорили, что каждый камень пропитан магией, а воздух напоён молитвами тех, кто жил здесь сотни и тысячи лет назад.

Она помнила, как впервые переступила порог этого хра-

ма — испуганная, потерянная, почти ничего не помнящая о своём прошлом. Астарот привёл её сюда, сказав, что здесь она будет в безопасности. И он не соврал. Монахи приняли её, научили контролировать её силу, дали ей дом. Лобсанг стал для неё больше, чем настоятелем — он стал наставником, мудрым старцем, который никогда не задавал лишних вопросов и всегда был готов выслушать.

А потом были долгие годы обучения. Медитации на рассвете, тренировки до изнеможения, бесконечные попытки понять, кто она и зачем здесь. И только Мурасамэ был рядом всё это время. Единственный, кто знал её настоящую. Единственный, кто видел её слёзы, её сомнения, её страх.

Скарлет спрыгнула с камня и направилась к храму. Её босые ступни легко ступали по мокрой траве, оставляя за собой едва заметный след. — Почему ты не предупредил меня раньше? — спросила она Мурасамэ, шагая по тропинке к главным воротам. Её голос был тихим, но в нём звучала сталь.

— Почему ты не предупредил меня раньше? — спросила она Мурасамэ, шагая по тропинке к главным воротам. Её голос был тихим, но в нём звучала сталь.

— Потому что до сегодняшнего утра я не был уверен, — ответил он, перелетая с её плеча на ближайший карниз. Его крылья бесшумно рассекли воздух, и он устроился на резной деревянной балке, глядя на неё сверху. — Полтора года назад я чувствовал что-то похожее, но это было не так ощу-

тимо. Тогда я не воспринял это как угрозу. Думал, просто случайные путники или торговцы. Но сейчас… сейчас ауры сильнее. И их двое. Явно не случайность.

Скарлет остановилась и посмотрела на него. Солнце светило ей прямо в лицо, и она прищурилась, поднимая руку, чтобы защитить глаза. — Значит, они могли появиться здесь и раньше, год-два назад, — задумчиво произнесла она, и в её голосе послышалась холодная расчётливость. — Но тогда мы были слишком заняты — ты помнишь те проблемы с торговым караваном, которые мы разбирали? Те нападения на караваны в горах? Мы тогда думали, что это просто бандиты, но может быть… — она замолчала, размышляя вслух.

Мурасамэ кивнул: — Именно. Мы пропустили это. А теперь они здесь. И, судя по всему, они что-то ищут.

— Или кого-то, — тихо добавила Скарлет.

Она остановилась у ворот и посмотрела на город. Лхаса сверкала в утреннем свете, её крыши переливались золотом и красным, а в воздухе витал запах благовоний и свежего хлеба. Город был прекрасен — и в то же время тревожен. Скарлет чувствовала, как внутри неё поднимается странное возбуждение, смешанное с тревогой. Что-то менялось. Что-то надвигалось. И она не знала, будет ли готова к тому, что её ждёт.

— Что будем делать? — спросил Мурасамэ, и его голос был спокойным, но в нём слышалась настороженность. — Мы можем просто остаться в храме и подождать, пока они

уйдут. Или мы можем покинуть Лхасу, пока не поздно?

— Уйти перед фестивалем? — Скарлет вскинула бровь.

— Я перечисляю варианты.

— Ты забыл вариант, в котором мы находим их раньше, чем они находят нас.

— Я намеренно его не называл.

— Зря. — Скарлет задумалась. Остаться в храме было безопаснее, тут она могла спрятаться в своей комнате, медитировать, тренироваться, ждать, пока всё успокоится. Но это было не в её стиле, ведь она всегда шла навстречу приключениям, даже если это было опасно. Это была её суть — её огонь. К тому же фестиваль, она не могла пропустить его. — Я спущусь, — сказала она.

— Разумеется.

— Постараюсь ничего не уничтожить — она улыбнулась, и в её улыбке мелькнула хитринка, та самая, которая делала её такой неотразимой и такой опасной одновременно, .

— Именно это меня и беспокоит. — Мурасамэ расправил крылья, собираясь взлететь, но замер, повернув голову к ней. В его тёмных глазах мелькнула искорка одобрения — он знал, что она выберет именно это. — Только не говори, что ты собираешься идти в этом наряде, — сказал он, и в его голосе послышалась лёгкая насмешка. — Монахи, конечно, привыкли к твоему стилю, но всё же… ты не думаешь, что спортивный костюм — не лучший выбор для прогулки по городу, где кишат таинственные незнакомцы?

— Я просто забегу переодеться, — она подмигнула ему. — Не хочу идти в город как мокрая кошка. И потом, они меня уже полгода не видели. Пусть порадуются, что я вообще вернулась, а не обсуждают мой внешний вид.

— Они скорее начнут читать тебе лекции о том, как важно соблюдать традиции, — фыркнул Мурасамэ. — Ты же знаешь, как они любят обсуждать твой «нетрадиционный» подход к одежде.

— А я им скажу, что это моя природная эстетика, — Скарлет пожала плечами. — Они не поймут, но перестанут спорить. Это всегда работает.

— Ты неисправима, — Мурасамэ покачал головой, но в его голосе слышалась тёплая насмешка.

— Именно поэтому ты меня и любишь, — она подмигнула ему. — Давай, собираться. Ты пока проверь обстановку с воздуха. Встретимся у восточных ворот храма.

Он взмыл в небо, и Скарлет какое-то время смотрела ему вслед, ощущая странную смесь предвкушения и тревоги. Полгода — не такой большой срок, но для неё это была вечность. Она успела побывать на десятках концертов, выступить перед тысячами людей, подписать контракты, которые Оливер называл «гениальными». Она была звездой. Но Лхаса оставалась её домом.

И сейчас, стоя на вершине горы, глядя на город и чувствовала, что вернулась не просто в свой дом — она вернулась к себе. К той Скарлет, которая не носила маску, которая поз-

воляла себе быть слабой в одиночестве, но никогда не показывала этого миру: *«Интересно, кто же вы такие?»* — подумала она, глядя на город — *«И что вам тут нужно?»*

***

Тропинка от тренировочной площадки вела вниз, к основному комплексу храма Джокханг. Скарлет шла босиком по тёплому от утреннего солнца камню, чувствуя, как земля отдаёт ей свою энергию. Это был её ритуал — перед тем, как войти в храм, она всегда позволяла себе несколько минут просто быть частью мира. Чувствовать, как древняя земля Лхасы пульсирует под ногами, как ветер касается кожи, как солнце согревает лицо.

Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Воздух был чистым и холодным, с лёгкой горчинкой благовоний, которые жгли в храме с самого утра. Скарлет любила этот запах — он был для неё символом дома, безопасности, стабильности. Во всём мире, Лхаса была единственным местом, где она могла просто дышать.

Она открыла глаза и оглядела храмовый двор. Утреннее солнце заливало его золотым светом, делая древние стены почти светящимися. В центре двора стояла ступа, покрытая слоями позолоты, которая, несмотря на столетия, всё ещё сверкала на солнце. Маленькие флажки с молитвами, натянутые между колоннами, трепетали на ветру, разнося по округе тихий шелест — как будто сам воздух молился.

На каменных скамьях у галерей сидели ученики. Млад-

шие — те, кто только начинал свой путь, — сидели в позе лотоса, пытаясь сосредоточиться на медитации. Их лица были напряжены, некоторые хмурились, словно пытались понять что-то, что никак не давалось им. Скарлет усмехнулась, вспоминая себя в их возрасте. Она тоже была такой — нетерпеливой, горячей, с вечным вопросом «а когда я смогу это сделать?».

Старшие ученики — те, кто уже прошёл через годы тренировок, — сидели спокойнее. Их дыхание было ровным, лица расслабленными. Один из них, пожилой монах с седой бородой, открыл глаза и посмотрел на Скарлет. Их взгляды встретились на мгновение, и он слегка кивнул, словно приветствуя её. Скарлет ответила таким же кивком — коротким, почти незаметным, но полным уважения.

Она прошла через главный вход храма, и перед ней открылся внутренний двор. Здесь было оживлённо: ученики бегали между зданиями, монахи в длинных тёмно-красных одеждах неспешно прогуливались по галереям, и даже несколько младших послушников гонялись друг за другом вокруг ступы. В воздухе стоял привычный гул голосов и смеха, который Скарлет всегда находила уютным.

Проходя мимо нескольких учеников, те почтительно склонили головы, узнавая её. Они были одеты в традиционные красные и жёлтые одеяния, и на их лицах читалось спокойствие и сосредоточенность. Скарлет ответила на приветствия короткими кивками, не замедляя шага.

— Старшая ученица Скарлет, — раздался шёпот из-за её спины. — Это правда она?

— Тише, она услышит, — ответил другой голос.

Скарлет усмехнулась краем губ, но не обернулась. Она давно привыкла к таким разговорам. В храме её знали как способную ученицу, выполняющую самые важные поручения. Поэтому слухи о ней распространялись быстро, и теперь даже самые младшие ученики знали, что в их храме живёт кто-то особенный.

— Вы ведь слышали новость? — раздался голос с другой стороны. — На фестивале объявят аватара. Владелицу четырёх стихий.

— Ты думаешь это будет Скарлет? — спросил первый голос с благоговением.

— Возможно. Но никто не знает точно.

Скарлет замедлила шаг, прислушиваясь к разговору. Она знала, что через неделю её объявят аватаром на фестивале.

Лобсанг сказал ей об этом ещё месяц назад, когда она была в туре по Японии. *«Ты готова, Скарлет,* — сказал он тогда. — *Ты контролируешь все четыре стихии. Ты — та, кого ждали столетиями».* Но она не чувствовала себя готовой. Внутри неё всё ещё был этот вечный огонь, который требовал выхода, и вода, которая бурлила где-то глубоко в душе. Её считали аватаром по рождению, но быть им по сути — это было совсем другое.

*«*Аватар,* — мысленно повторила она. — *Владелица че-*

тырёх стихий. Хранительница равновесия. Тысячи лет пророчеств, и всё это время они ждали именно меня. Но знают ли они, что я такое на самом деле? Нет, даже я до конца себя не знаю. Если бы они знали, что их аватар — дьяволица, сгорели бы со стыда и запрятали меня куда подальше, чтобы не показывать другим.»*

Она покачала головой, отгоняя эти мысли, и направилась к восточному крылу, где находились жилые помещения для учеников. Но на полпути к своей комнате она остановилась. Из бокового коридора вышел высокий, седовласый мужчина в тёмно-красных одеждах. Его лицо было изрезано глубокими морщинами, но глаза — пронзительно-карие, почти чёрные — смотрели с той же остротой, что и много лет назад. Настоятель храма, Лобсанг. Он был здесь главным уже почти триста лет и помнил Скарлет ещё той девчёнкой, которая впервые переступила порог Джокханга, испуганная и потерянная.

— Скарлет, — его голос был низким и спокойным, как гладь горного озера. — Ты вернулась. Я слышал, ты была занята делами во внешнем мире.

— Настоятель, — она слегка склонила голову в знак уважения. — Я рада снова видеть вас. Простите, что не зашла сразу — хотела немного привести мысли в порядок после долгой дороги.

Лобсанг улыбнулся, и морщины вокруг его глаз стали глубже. Он всегда улыбался так — словно видел что-то, что

другие не замечали. — Ты всегда была нетерпеливой. Я помню, как ты впервые пришла сюда — взъерошенная, напуганная, но с огнём в глазах. Ты не изменилась.

— Надеюсь, это хорошо, — она усмехнулась. — Хотя мне казалось, я стала взрослее и мудрее.

— Мудрость приходит с опытом, а не с годами, — он внимательно посмотрел на неё. — Ты выглядишь встревоженной. Что-то случилось?

Скарлет на мгновение заколебалась. Она знала Лобсанга почти двести лет. Он был для неё больше, чем просто наставник — он был тем, кто дал ей убежище, когда мир был жесток. Но она не хотела его беспокоить. И всё же... что-то внутри неё подсказывало, что скрывать правду от него — значит обманывать единственного человека, который всегда был честен с ней.

— Я хочу спуститься в город, — сказала она. — На несколько дней.

— Фестиваль через неделю, — Лобсанг поднял бровь. — Зачем тебе спускаться сейчас?

— Я чувствую нечто странное, — она говорила тихо, чтобы никто не услышал. — И Мурасамэ сказал, что в городе появились странные энергии. Он не может определить их природу из-за земли Лхасы, но они здесь и не местные.

Лобсанг нахмурился. Он знал, что Скарлет не была обычной ученицей. Её способности были уникальны — она управляла четырьмя стихиями, и даже монахи, привыкшие

к чудесам, не могли до конца понять её природу. Лобсанг давно подозревал, что её происхождение связано с чем-то гораздо большим, чем просто наследственность, но никогда не задавал вопросов. Он знал: когда Скарлет будет готова, она расскажет сама.

— И ты хочешь их найти, — сказал он скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Да, — она посмотрела ему прямо в глаза. — Если они опасны, я должна быть готова.

— Ты могла бы остаться здесь. Храм защищён, а до фестиваля осталось совсем немного.

— Именно поэтому я должна спуститься сейчас, — ответила Скарлет. — Если дождусь праздника, чужаки растворятся в толпе. А если они связаны с моим возвращением, времени у нас и так немного.

Лобсанг вздохнул. Он знал, что спорить с ней бесполезно. Скарлет всегда делала то, что считала нужным, и ничто не могло её остановить. — Хорошо, — он кивнул. — Спускайся в город. Но помни: ты должна вернуться через три-четыре дня. Нам нужно подготовиться к фестивалю.

— Вернусь.

— И, Скарлет…

Она остановилась.

— Постарайся не привлекать внимания. Ты знаешь, какое значение имеет твоё присутствие для Лхасы. Если люди узнают, кто ты на самом деле, это может вызвать волнения.

На её губах появилась лёгкая усмешка.— Я поняла. Никаких демонстраций способностей на площадях. Просто тихая и скромная странница.

— В это трудно поверить, глядя на тебя, — заметил Лобсанг.

— Я умею быть незаметной.

— Ты умеешь заставлять окружающих думать, что они сами тебя заметили.

Скарлет чуть прищурилась, а затем рассмеялась. Даже сейчас, когда тревога уже отравляла утро, Лобсанг умел вернуть ей равновесие несколькими словами. — Яуду осторожна, настоятель.

— Не только осторожна, но и наблюдательна. Если почувствуешь, что тебе грозит опасность, не пытайся всё решить в одиночку.

— У меня есть Мурасамэ. —парировала Скарлет.

— Мурасамэ хорош в небе. Но даже древнему стражу иногда требуется тот, кто смотрит под ноги.

Она поняла намёк, хотя Лобсанг не назвал имени. Возможно, он говорил о монастырских дозорных. Возможно, о ком-то, чьё присутствие в городе предпочитал не обсуждать при открытых стенах.

— Я запомню, — ответила Скарлет.

Лобсанг ещё мгновение изучал её лицо, затем отступил, освобождая дорогу. — Иди. Но не принимай тревогу за истину. Чужая сила не всегда означает враждебность.

— А враждебность не всегда выглядит как угроза.

В его глазах мелькнуло одобрение. — Вот теперь ты говоришь как взрослая.

— А я надеялась, что вы наконец признаете мою мудрость.

— Я признаю твоё упрямство. Это уже немало.

Она поклонилась и пошла дальше по коридору. Лобсанг больше не окликнул её, но Скарлет чувствовала его взгляд до самого поворота. Его доверие было спокойным, почти незаметным, и оттого особенно ценным. Он не пытался удержать её, не требовал объяснений и не делал вид, будто опасность не существует. Просто позволил ей самой выбрать путь — как делал всегда.

***

Комната Скарлет, как старшей ученицы, находилась в восточном крыле храма, на втором этаже. Это было небольшое, но уютное помещение с высоким потолком и узким окном, выходившим на горы. Стены были покрыты тонким слоем штукатурки, на которой висели несколько каллиграфических свитков с мудрыми изречениями. В углу стояла простая деревянная кровать, застеленная тёплым одеялом, на полу был пушистый ковер и возле окон письменный стол, заваленный книгами и записями.

Скарлет закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной, позволяя себе на мгновение выдохнуть. Скарлет закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Во внешнем мире ей

приходилось быть наследницей крупной корпорации, супер звездой и девушкой, которой нельзя ошибаться. Она помогала Оливеру управлять компанией, появлялась на концертах, вела переговоры и улыбалась перед камерами. Люди видели уверенную Скарлет, привыкшую получать желаемое.

Никто не видел, как иногда после долгого дня она закрывалась у себя в квартире или в гостиничном номере и несколько минут сидела в темноте, не снимая обуви.

Сейчас в этой комнате маска была не нужна, ведь ей не нужно было быть старшей ученицей, звездой, наследницей корпорации или аватаром. Здесь она могла быть просто Скарлет — той, кто устала быть сильной.

Она перевела взгляд на комнату. Каждая вещь здесь хранила воспоминания. Вот свиток с изречением, которое Лобсанг подарил ей в день, когда она впервые смогла удержать огонь в ладонях дольше минуты: *«Огонь не терпит лжи. Если ты хочешь управлять им, научись быть честной с собой»*. Когда-то Скарлет считала, что речь идёт только о способности. Теперь понимала: наставник говорил о ней самой. О страхе, который она прятала за дерзостью. О боли, которую превращала в шутки. О вопросах, на которые не хотела получать ответы.

Она подошла к столу, за которым просиживала ночи, пытаясь понять, кто она и зачем здесь. Записи, которые она делала в те годы, были полны вопросов: «Почему я чувствую огонь так, как будто он часть меня? Почему вода откликает-

ся на мой зов? Почему воздух шепчет мне то, что не слышат другие? И кто я на самом деле?». Ответов по-прежнему не появилось, а вопросов стало больше.

Скарлет подошла к сундуку, стоявшему у стены, и открыла его. Внутри лежала её одежда — та, которую она оставляла в храме для редких возвращений. На тренировочной площадке она была в спортивных штанах и топе, которые сейчас были мокрыми из за утреней росы, и для города хотелось выглядеть более ухожено.

Она достала светлые джинсы с высокой посадкой — мягкие, хорошо сидящие, с аккуратными потёртостями на коленях. Идеально. Затем выбрала топ из тонкого, дышащего хлопка цвета слоновой кости — простой, но с глубоким V-образным вырезом, открывающим ключицы. Поверх него она короткую кожаную куртку чёрного цвета, которую купила в одном из своих путешествий с Оливером. Она была лёгкой, но тёплой, с множеством карманов — идеально для того, чтобы прятать мелкие вещи. Из обуви выбрала чёрные кроссовки.

Скарлет сняла спортивные штаны и топ, оставшись в лёгком белье белого цвета. Она посмотрела на себя в небольшое зеркало, висевшее на стене. Её фигура была идеальной — подтянутое и гибкое телосложение, длинные ноги и тонкая талия создают обманчиво хрупкий силуэт, но в каждом повороте, в каждом шаге чувствуется упругая сила. Движения были плавными и точными, словно она каждое мгновение

была готова к рывку.

Она достала из сундука небольшой кожаный браслет и закрепила его на запястье. Внутри браслета был спрятан тонкий защитный знак — подарок Астарота, полученный много лет назад. Тогда он сказал, что артефакт понадобится в тот день, когда она начнёт задавать правильные вопросы.

Скарлет провела пальцем по гладкой коже. — Ненавижу, когда чьи-то слова начинают сбываться, — пробормотала она, обращаясь к отсутствующему демону.

За окном мелькнула чёрная тень. Мурасамэ бесшумно опустился на подоконник, встряхнул перья и заглянул внутрь. — Ты разговариваешь с браслетом?

— Он хотя бы не перебивает.

— Я могу начать.

— Не сомневаюсь.

Заправила несколько прядей платиновых волос за уши, оставив остальные свободно струиться по плечам. В зеркале отражалась девушка, которая выглядела как обычная путешественница, но в её глазах горел тот самый огонь, который она не могла скрыть, даже если очень старалась.

— Ну что, я выгляжу как обычная девушка из города? — спросила она у Мурасамэ, который уже устроился на подоконнике.

Мурасамэ склонил голову, внимательно разглядывая её. Его тёмные глаза блестели в утреннем свете, и Скарлет знала, что он видит не только её одежду, но и то, что скрывается

под ней — её тревогу, её решимость, её неуверенность.

— Ты выглядишь как модель с обложки, которая случайно забрела в горы, — ответил он с лёгкой насмешкой. — Но, по крайней мере, это лучше, чем тренировочная форма. Монахи будут меньше шокированы, хотя вряд ли их можно чем-то удивить после стольких лет твоего присутствия.

— Они уже привыкли, — она улыбнулась, застёгивая куртку. — И потом, я думаю, что стиль и комфорт — это не преступление. Кстати, Лобсанг меня отпустил.

— Да, я слышал ваш разговор, — Мурасамэ склонил голову. — Он мудрый человек. Доверяет тебе больше, чем многие другие.

Скарлет подошла к окну и встала рядом с ним, глядя на Лхасу. Город с высоты храма он казался почти игрушечным — маленькие домики, узкие улочки, крошечные фигурки людей, которые двигались внизу, словно муравьи. Она смотрела на этот город, который стал её домом, и чувствовала, как внутри неё поднимается странная смесь любви и тревоги.

— Я знаю, — она вздохнула. — Поэтому я не хочу его подвести. Три-четыре дня — и я вернусь. Как ты думаешь, мы успеем выяснить, кто эти люди?

— Не знаю, — Мурасамэ посмотрел в окно, на город, который сверкал в утреннем свете. — Но мы попытаемся. В конце концов, я ждал встречи с тобой не для того, чтобы сидеть сложа крылья.

— Вот и отлично, — она подошла к нему и погладила его по голове. — Пошли. Пора узнать, кто решил нарушить наш покой.

Ворон расправил крылья и перелетел ей на плечо, его когти едва коснулись ткани. По связи между ними прошла тёплая волна, и вместе с ней вокруг Скарлет сомкнулось защитное покрывало. Её энергия стала тише, глубже, словно скрылась под гладью воды.

— Я приглушил твой след, — сказал Мурасамэ. — Для большинства ты будешь обычной девушкой.

— Для большинства?

— Я не обещал чудес. Те, кто знает, что искать, заметят странности.

— Тогда нам повезло, что я не собираюсь встречаться с теми, кто знает.

— Ты собираешься найти именно их.

— Значит, повезёт им.

Мурасамэ неодобрительно щёлкнул клювом. — Вот эта самоуверенность меня и беспокоит.

— Неправда. Тебя беспокоит всё.

— Это моя обязанность, беспокоиться обо всём.

На мгновение Скарлет прикрыла глаза. Она чувствовала его рядом — не просто как защитника, а как единственное неизменное присутствие в своей жизни. Мурасамэ видел её слабость и не использовал её против неё. Мог ворчать, спорить и язвить, но никогда не оставлял без предупреждения.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Ворон перестал чистить перья. — За что?

— За то, что предупредил.

— Я предупреждаю тебя постоянно.

— Обычно ты предупреждаешь меня о плохой технике, слишком остром соусе и людях, которые не заслуживают доверия.

— Полезные предупреждения.

— Я и не спорю.

Мурасамэ чуть повернул голову, скрывая выражение, которое у ворона можно было принять за смущение.

— Сиарайся не задерживайться в городе после заката. И если почувствуешь знакомую энергию…

— Не стану преследовать её без плана.

— А если услышишь голос, который назовёт тебя по имени?

Скарлет замерла. — Почему кто-то должен назвать меня по имени?

— Потому что если кто-то действительно ищет тебя, он может знать больше, чем должен.

В комнате стало тихо. За окном звякнул колокольчик, и звук будто прошёл по самому стеклу.

— Ты почувствовал что-то ещё ? — спросила Скарлет.

— Нет. Поэтому и говорю сейчас.

Она внимательно посмотрела на него. Мурасамэ не лгал, но иногда умел умолчать ровно столько, чтобы не вызвать

панику.

— Ты скрываешь часть информации.

— Я оберегаю тебя от преждевременных выводов.

— Это разные вещи.

— Для ворона — почти одно и то же.

Скарлет хотела возразить, но передумала. Если бы Мурасамэ обнаружил прямую угрозу, он не стал бы спорить — просто не позволил бы ей выйти. Значит, пока опасность оставалась неизвестной, а не неминуемой. Она взяла с полки небольшой мешочек с несколькими монетами и спрятала его под куртку. Затем проверила, свободны ли руки, и ещё раз оглядела комнату.

— Ты готов? — спросила она.

— Всегда, — ответил он, и в его голосе послышалась древняя уверенность, которая успокаивала Скарлет больше, чем любые слова.

Она вышла из комнаты, закрыла за собой дверь и направилась к выходу из храма. В коридорах было тихо — ученики ещё не закончили свои занятия, и только звук её шагов разносился по каменным стенам. Скарлет шла быстро, почти бесшумно, чувствуя, как предвкушение пульсирует в груди.

По пути она прошла мимо комнаты, где когда-то жила, когда только попала в храм. Она остановилась на мгновение, глядя на закрытую дверь. Воспоминания нахлынули — она снова видела юной девушкой, испуганной, не понимающей, что происходит. Она помнила, как сидела на полу этой ком-

наты, обхватив колени руками, и плакала, пока не засыпала. Никто не входил к ней, но она чувствовала, что кто-то стоит за дверью — Лобсанг. Он не пытался утешить её словами — он просто был рядом и этого было достаточно: *«*Странно,* — подумала она, — *как одно воспоминание может изменить всё. Я была так слаба тогда и всё же я выжила. Я стала сильной. Но иногда я всё ещё чувствую себя той маленькой девочкой, которая боится темноты».* * Она покачала головой, отгоняя воспоминания, и пошла дальше.

У восточных ворот храма она остановилась и посмотрела на город. Лхаса просыпалась. Улицы начинали заполняться людьми — торговцы открывали лавки, дети бегали по узким переулкам, а на площадях уже начинали устанавливать украшения к фестивалю. Воздух был наполнен запахами свежего хлеба, пряностей и дыма. Город был прекрасен — и в то же время тревожен. Скарлет чувствовала, что за этим спокойствием скрывается нечто важное, что-то, что изменит её жизнь.

— Красиво, — тихо сказала она. — Даже не верится, что через неделю здесь будет толпа.

— Через неделю они будут знать о тебе, — напомнил Мурасамэ. — И это может всё изменить. Ты готова к этому?

Скарлет задумалась на мгновение. Готова ли она? Она знала, что объявление аватара привлечёт новое и ненужное внимание всего мира. К ней будут приходить за советами, за помощью, за защитой. Она станет символом надежды для

тысяч людей. Но она также знала, что это сделает её уязвимой. Враги, которые сейчас не знают о её существовании, могут выйти на свет. И тогда ей придётся защищать не только себя, но и тех, кто ей дорог.

— Я не знаю, — честно ответила она. — Но я знаю, что у меня нет выбора. Я должна быть готова. И я сделаю всё, чтобы защитить этот город.

Она ступила за ворота храма, направляясь вниз по каменной лестнице, ведущей в город. Её шаги были твёрдыми, дыхание ровным. Она шла навстречу неизвестности, и в этом была её сила.

#Глава вторая: По ту сторону взгляда

Лхаса в преддверии фестиваля была похожа на муравейник. Улицы, обычно тихие и спокойные, теперь гудели от голосов, смеха и перекличек торговцев. Красные и жёлтые флажки уже начинали появляться на домах, а на главной площади устанавливали деревянные конструкции для представлений. Воздух был пропитан запахами свежей выпечки, жареных орехов и благовоний — ароматами, которые смешивались в единый, пьянящий коктейль, заставлявший сердца биться быстрее в предвкушении праздника.

Мако шёл по центральной улице, чувствуя, как солнце пригревает плечи. Он был одет в светлые льняные брюки, которые мягко облегали длинные ноги, не сковывая движений, и тёмно-синюю рубашку с коротким рукавом. Ткань рубашки была тонкой, дышащей, идеально подходящей для тёплого дня, и она подчёркивала ширину его плеч и рельеф мускулистого торса. Несколько верхних пуговиц были расстёгнуты, открывая смуглую кожу груди, на которой едва заметно поблескивали капельки пота — солнце в Лхасе было щедрым на тепло. Рукава были подвернуты до локтя, открывая сильные, жилистые предплечья, и на правом запястье тускло поблёскивал тонкий кожаный браслет — подарок Асами,

который он носил, почти не снимая.

Лёгкая небритость придавала его лицу ещё более мужественный вид, делая его и без того резкие черты ещё выразительнее. Каштановые волосы, слегка взлохмаченные ветром, казались почти чёрными на солнце — в них играли тёмно-медные отблески, когда он поворачивал голову. Высокие скулы, прямой нос и волевой подбородок создавали портрет человека, привыкшего принимать решения и нести за них ответственность. Но в его карих глазах, с редким золотистым отливом, который вспыхивал при ярком свете, скрывалась усталость — не физическая, а та, что накапливается, когда слишком долго ищешь то, что не можешь найти: **«Интересно, сколько ещё мы будем бродить по этим улицам?»** — подумал он, оглядываясь на золотые крыши храма, видневшиеся вдали. — **«Сколько ещё раз я буду видеть это разочарование в его глазах?»**

Рядом с ним шёл Люцифер. Он был одет в облегающую чёрную рубашку из тонкого шёлка, заправленную в брюки того же цвета, которые сидели на нём безупречно, подчёркивая длину его ног и узкую талию. Поверх рубашки была накинута лёгкая кожаная куртка — идеально скроенная, с множеством скрытых карманов, где он хранил мелкие артефакты и оружие, всегда готовое к применению. Куртка была распахнута, открывая рубашку, которая облегала его рельефный торс, подчёркивая каждый мускул — не нарочито, а так, как бывает у тех, кто не тратит время на пустую де-

монстрацию силы.

Чёрные волосы Люцифера были аккуратно уложены, но одна непослушная прядь выбивалась, спадая на лоб и добавляя его облику лёгкой дерзости. Его ярко-алые глаза на солнце казались почти рубиновыми — в них горел внутренний огонь, который невозможно было спутать ни с чем другим. Когда он поворачивал голову, в его глазах мелькали багровые искры, привлекая внимание прохожих, которые на мгновение замирали, глядя на необычного незнакомца. Его лицо — с высокими скулами, прямым носом и квадратной челюстью — было лицом аристократа, привыкшего к власти, но в его чертах не было холодной отстранённости. В них читалась древняя усталость, смешанная с решимостью, которая не позволяла ему остановиться.

— Ты привлёк внимание, — заметил Мако, не поворачивая головы. Он чувствовал на себе взгляды прохожих, которые задерживались на его спутнике чуть дольше, чем на обычном туристе. Женщина у прилавка с фруктами смотрела так, будто видела призрака. Ребёнок, бежавший мимо, остановился на мгновение, разинув рот.

— Я всегда привлекаю внимание, — усмехнулся Люцифер, и в его голосе послышалась лёгкая ирония, хотя глаза оставались серьёзными. — Это мой талант. И потом, мы здесь уже почти полтора года. Местные привыкли к моему присутствию. Или должны были привыкнуть.

— Они не привыкли к твоим глазам, — Мако бросил ко-

роткий взгляд на прохожих, которые отводили взгляд, когда он смотрел в их сторону. — Такие не забываются. Я видел, как женщина на рынке смотрела на тебя так, будто видела древнее божество. Это пугает людей, Люцифер. Они не понимают, что ты — не просто незнакомец, а нечто большее.

— Это да, — Люцифер улыбнулся, но в его улыбке не было тепла — только тень самоиронии, смешанная с древней усталостью. — Но я не могу их изменить. И не собираюсь их прятать. Пусть смотрят. Это не так страшно, как то, что они могут увидеть, если я перестану сдерживаться. И потом, — он усмехнулся, — если они боятся моих глаз, им лучше никогда не видеть меня в гневе.

Мако хмыкнул, чувствуя, как лёгкое напряжение висит в воздухе, смешиваясь с запахом благовоний и свежей выпечки. Они уже почти полтора года искали сестру Люцифера, и каждый раз, когда им казалось, что они близки, след исчезал. Это выматывало, но Люцифер не сдавался. И Мако шёл рядом — потому что они были друзьями, потому что он понимал, что значит искать кого-то, кто может быть потерян навсегда: **«Полтора года,* — мысленно повторил он. — *Полтора года в этом городе, и мы всё ещё не нашли её. Как будто кто-то играет с нами. Как будто сама земля Лхасы защищает её от нас»**.

— Ты чувствуешь её сегодня? — спросил Мако, стараясь говорить небрежно, хотя внутри него всё сжималось. Он заранее приготовился к привычному ответу: «Нет», «След сно-

ва исчез», «Нужно искать дальше». За последние месяцы такие слова стали частью их повседневности.

Люцифер остановился на мгновение, прикрыл глаза и сосредоточился. Вокруг них шумел город, люди сновали туда-сюда, но он словно отгородился от всего этого — его лицо стало серьёзным, почти напряжённым, а между бровей залегла глубокая складка. Он молчал несколько секунд, и Мако видел, как его дыхание замедлилось, словно он пытался уловить что-то едва слышное, что-то, что другие не могли ощутить.

— Да, — сказал он тихо, открывая глаза. В его алых зрачках мелькнула странная искра — что-то между надеждой и тревогой. — Впервые за время пребывания в Лхасе я чувствую её более отчётливо, но всё ещё не могу определить точное местоположение.

— Это уже что то. Сейчас мы хотя бы точно знаем, что она рядом. — напомнил Мако, хотя его сердце забилось быстрее при этих словах. — Но этот город... Он глушит всё вокруг, как будто ищем иголку в стоге сена.

— Нет, сегодня всё по-другому, — Люцифер повернулся к нему, и в его алых глазах мелькнула странная искра — что-то между надеждой и тревогой. — Её энергия… она немного отчётливее, как будто она решила перестать прятаться или её защита ослабла.

— Думаешь она узнала, что мы здесь?

— Возможно.

— И поэтому решила показаться?

На губах Люцифера появилась короткая улыбка, но глаза остались серьёзными. — Тогда у неё странный способ показать себя. За всё время её поисков она не оставляла нам ни одного стоящего следа.

— Может, это не она ослабила защиту, — заметил Мако. — Или в городе появился кто-то ещё, что и заставило её показаться.

Люцифер посмотрел на него внимательнее.— Ты почувствовал кого-то ещё?

— Нет. Но ты сам сказал, что сегодня что-то изменилось.

— Я тоже не чувствую опасности. Но помимо неё я чувствую энергии ещё кучи учеников храма. Всё это сливается в один комок и тонет в этой земле. — Он на мгновение перевёл взгляд на горы. — Этот город странный, Он не просто скрывает её, иногда мне кажется, что Лхаса просто не хочет, чтобы её нашли.

— Город не может принимать решения.

— Ты слишком мало прожил, если всё ещё уверен в этом.

— Мне казалось, именно ты обычно требуешь доказательств. —Мако усмехнулся.

— Я требую доказательств от других. Себе я доверяю.

— Самоуверенно.

— Зато эффективно.

Мако покачал головой. В этом был весь Люцифер: даже усталость он превращал в оружие, а сомнения прятал за хо-

лодной уверенностью. Самаэль поручил ему найти дочь, которую скрывали от него почти пятьсот лет, и Люцифер воспринял это не как обычный приказ — это стало его личной миссией. Он хотел вернуть сестру. Хотел увидеть её своими глазами. Возможно, хотел убедиться, что она действительно жива, а не превратилась в ещё одну тайну, которую семья предпочла похоронить.

— Может быть, она наконец вышла из храма, — предположил Мако, оглядываясь на золотые крыши Джокханга, видневшиеся вдали. — Мы несколько раз пытались попасть туда, но когда нам это удавалось, её там не было. Возможно, она просто ждала, пока мы уйдём.

— Скорее всего. — ответил Люцифер. В голосе послышалась горечь. — Номы были там три месяца назад и настоятель сказал, что у них нет ученицы с подходящей внешностью.

— Он мог солгать.

— Разумеется, мог.

— И, судя по всему, солгал.

Люцифер бросил на него короткий взгляд. — Ты говоришь так, как будто удивлён этому

.— Я предпочитаю не обвинять людей без доказательств.

— А я предпочитаю не тратить полтора года на вежливые разговоры с теми, кто намеренно водит нас по кругу. — В его голосе впервые прорезалась настоящая злость. Мако не стал спорить, ведь понимал Люцифера. Он привык получать

ответы силой, властью или страхом, бесконечная неопределённость была почти пыткой.

Мако фыркнул, но напряжение немного спало. — Может, нам стоит попытаться снова? — спросил он. — Без агрессии, просто постараемся всё ещё раз объяснить. Если показать, что мы не уйдём, пока не получим ответы…

— Нет, — Люцифер покачал головой, и его голос стал твёрже. — Если мы придём в храм, она может почувствовать нас и снова спрятаться. Это будет бесконечная игра в кошки-мышки.

— То есть ты предлагаешь ждать?

— Да.

— Это не похоже на тебя.

— За последние годы я научился терпению.

— Ты научился выглядеть терпеливым. — сказал Мако с усмешкой.

На лице Люцифера появилось подобие улыбки. — Это уже немало. — Он снова посмотрел в сторону храма. — Через неделю фестиваль. Все жители города соберутся на площади. Если она действительно живёт здесь, она не сможет остаться в стороне. А если её объявят аватаром, как утверждает твой источник…

— Ты всё ещё не уверен, что это правда?

— Я уверен, что в Лхасе готовят какое-то важное объявление. Но не уверен, что оно связано с моей сестрой.

Они пошли дальше, и Мако заметил, что Люцифер смот-

рит по сторонам более внимательно, чем обычно. Его взгляд выхватывал из толпы лица — женщин в ярких одеждах, детей, бегающих между ног прохожих, стариков, сидящих на скамейках, — но ни одно из них не останавливало его внимания дольше мгновения. Он искал ту, которую не знал в лицо, но чувствовал душой.

— Ты думаешь, она правда похожа на Афину? — спросил Мако, пытаясь разрядить обстановку.

— Не знаю, — Люцифер пожал плечами, и в его движении скользнула тень усталости. — Я никогда не видел Афину в юности. Но отец сказал, что она была красавицей. Белые волосы, голубые глаза… Моя сестра должна быть похожа на неё. Или, может быть, на отца. Кто знает, что получится, когда смешиваются такие крови.

— Ты хотя бы знаешь, как её зовут? — Мако спросил, хотя знал, что ответ будет отрицательным.

— Нет, — Люцифер усмехнулся, и в его усмешке послышалась горечь, смешанная с самоиронией. — Самаэль сказал, что не смог узнать. Малеку верить нельзя, а от Афины так и не добился точного ответа.

— Так всё таки, он не смог или не захотел говорить?

Люцифер не ответил сразу. На его лице появилась тень, и Мако понял: этот вопрос он задавал себе не один раз. — Возможно, и то и другое, — произнёс он наконец. — Отец много лет пытался найти её. Если он знал имя, то почему не сказал? Если не знал — почему позволил нам отправиться

на поиски без единой зацепки?

— Потому что Самаэль любит подкидывать такие «сюрпризы», которые на деле — сплошные сложности.

— Мако, не называй это сложностями. Это моя сестра.

— Я знаю.

— Нет, — Люцифер посмотрел на него прямо. — Ты не знаешь, что значит искать родственника, которого у тебя отняли до того, как ты успел его узнать. Ты не знаешь, каково это — думать, что она могла жить всё это время, не подозревая о нашем существовании. — Он выдохнул немного успокаиваясь — Но я уверен, что когда я увижу её, я пойму. Это будет… инстинкт. Как будто я узнаю её душу, даже если не знаю её лица. Как будто кровь заговорит во мне.

— Надеюсь, она заговорит достаточно громко, чтобы перекрыть шум фестиваля.

— Если нет, ты будешь кричать за неё. — сказал он с хитрым прищуром.

— Вот теперь у нас появился план. — ответил Мако рассмеявшись.

Они вышли на главную площадь, где уже вовсю кипела работа. Рабочие устанавливали деревянные подмостки для представлений, женщины украшали фонари красными лентами, а дети бегали между ними, играя в догонялки, их звонкий смех разносился по площади. В воздухе витал запах свежей краски и дерева — рабочие только начали монтировать конструкции, и запах стружки смешивался с ароматом цве-

тов, которыми украшали площадь. Повсюду сновали люди, и казалось, что весь город готовится к чему-то великому.

Мако остановился у прилавка с украшениями. На ткани лежали браслеты из бирюзы, серебряные подвески и тонкие нити с камнями, похожими на застывшие капли неба. Он машинально взял один браслет, повертел его в пальцах и снова положил на место.

— Ты собираешься что-то купить? — спросил Люцифер.

— Нет.

— Тогда зачем взял?

— Просто смотрю.

— Ты уже несколько минут смотришь на один и тот же браслет.

Мако бросил на него предупреждающий взгляд. — Он напоминает мне Асами.

— Браслет?

— Цвет. Она любит такие оттенки.

Люцифер чуть смягчился. — Ты всё чаще говоришь о ней.

— А ты целыми днями говоришь о сестре. — Парировал Мако.

— Справедливое замечание.

Мако отвернулся к площади. Ему не хотелось, чтобы разговор превращался в признание, но Люцифер умел замечать то, что другие предпочитали не произносить.

— Ты любишь её? — Люцифер посмотрел на друга с лёгким любопытством.

Мако замялся на мгновение. Любит ли он Асами? Он чувствовал к ней тепло, привязанность, желание защищать. Но любовь ли это? Или просто благодарность за то, что она была рядом, когда он чувствовал себя потерянным? Он помнил, как они встретились — она была той, кто не боялся его силы, кто не пытался использовать его. Она просто была рядом. И этого было достаточно.

— Да, — сказал он наконец, и его голос стал твёрже. — Я люблю её. Она помогает мне чувствовать себя… человеком. Не сверхальфой, не драконом, а просто человеком, который может быть слабым и не бояться этого. Рядом с ней я могу быть собой.

Люцифер усмехнулся. В его выражении не было осуждения — лишь понимание и лёгкая грусть. — Мы не люди, Мако.

— Знаю.

— Мы не сможем долго притворяться обычными.

— Но иногда хочется хотя бы попробовать.

Люцифер посмотрел на детей, которые смеялись у подмостков. — Мы — нечто большее. Но иногда это «большее» мешает нам быть счастливыми. Мы слишком много думаем о долге, власти и том, что должны сделать, и забываем, что можем просто жить.

— Вот именно, — Мако пожал плечами. — Иногда я хочу быть обычным парнем, который гуляет со своей девушкой и не думает о политике, долге и поисках. Просто быть счаст-

ливым, не пытаясь угадать, кто следующим придёт за нами. Иногда я смотрю на людей здесь, на этих торговцев, на детей, и думаю: они счастливы. Они не знают, что за пределами их города есть другие миры.

— Ты говоришь почти как романтик, — Люцифер покачал головой, но в его глазах мелькнула тень уважения.

— Не распространяйся.

— Не обещаю. —сказал Люцифер со смешком. — Но Асами кажется хорошей девушкой и она заслуживает, чтобы ты был рядом.

— Она замечательная — продолжил Мако. — И она помогает мне быть лучше. Рядом с ней я чувствую, что могу быть собой, не боясь осуждения. Она принимает меня таким, какой я есть.

— Тогда оставайся сней, когда мы закончим поиски.

— Когда закончим?

Люцифер впервые за долгое время посмотрел на него без тени сомнения. — Да.

— Что будешь делать, если она не захочет тебя видеть?

Взгляд Люцифера потемнел. — Я не буду настаивать. — сказал Люцифер — Просто хочу рассказать ей правду, дать понять что она не одна. А что она сделает потом — решит сама.

— Тогда тебе придётся научиться не давить.

— Я умею быть деликатным.

Мако выразительно поднял бровь. — Иногда.

— Этого достаточно.

Они молчали, наблюдая за солнечными бликами на листьях.

— Ты скучаешь по Вики? — осторожно спросил Мако, он хотел знать, как его друг справляется с разлукой.

Люцифер вздохнул. Его лицо смягчилось, и на короткое мгновение исчезла привычная властность. В этом выражении не было слабости, только усталость и тоска по тому, кто был его миром.

— Каждый день, — признался он, и в его голосе послышалась тоска, которую он редко показывал другим. — Она путешествует по Земле, изучает людей, их традиции. Иногда я присоединяюсь к ней, но не могу оставаться надолго — у меня дела в Аду, поиски моей сестры.

— Она понимает?

— Да. Вики понимает больше, чем я заслуживаю.

— Но ей одиноко.

— Знаю. — Люцифер опустил взгляд на свои ладони. — Иногда думаю, что однажды она устанет ждать. Ей нравится свобода, новые места, люди. А я постоянно пытаюсь удерживать её рядом.

— Ты боишься, что она уйдёт? — спросил Мако прямо, глядя на друга с сочувствием. Он знал, что этот вопрос может быть болезненным, но он хотел знать правду.

Люцифер задумался на мгновение. Вики была его миром, его светом в бесконечной тьме Ада. Она приняла его таким,

какой он есть, и не требовала быть кем-то другим. Но она была свободной, как ветер, и иногда он боялся, что однажды она просто не вернётся — что её любопытство к миру станет сильнее любви к нему.

— Нет, — сказал он наконец, и его голос стал твёрже, хотя в нём всё ещё слышалась тоска. — Я знаю, что она вернётся. Она всегда возвращается. Но я скучаю по ней. Иногда я думаю, что если бы не поиски, я бы отправился с ней в путешествие по миру, увидел бы всё, что она видит. Мы могли бы быть просто парой, а не наследником Ада и его женой. Мы могли бы быть счастливы.

— Значит, ты действительно её любишь, — усмехнулся Мако, и в его голосе послышалось тепло.

— Да, — Люцифер улыбнулся — той редкой улыбкой, которая появлялась на его лице только когда он думал о ней. В этой улыбке не было высокомерия, только искренняя нежность. — Я люблю её больше, чем любой трон. И я хочу, чтобы у нас когда-нибудь была настоящая семья. Дети, дом, тихие вечера у камина. Я хочу того, чего у меня никогда не было.

— Ты станешь хорошим отцом, — сказал Мако, и в его голосе не было сомнения. — Ты уже научился быть хорошим мужем. Это первый шаг. Ты заботишься о ней, ты защищаешь её, ты делаешь её счастливой. Это всё, что нужно.

— Ты тоже, — ответил Люцифер. — Когда мы перестанем искать мою сестру и ты остепенишься с Асами. У тебя будет

дом, семья, всё, что ты захочешь.

Мако усмехнулся и покачал головой. Они сидели в тишине, наслаждаясь спокойствием утра. Солнце поднималось всё выше, и тени становились короче. Город гудел вдалеке, но здесь, в тени старого дерева, время казалось остановившимся.

Но вдруг Люцифер выпрямился. Его глаза стали ярче, почти светясь внутренним огнём, и на его лице появилось выражение, которое Мако видел только в моменты, когда его друг чувствовал что-то важное. Он повернул голову на восток, туда, где находился храм Джокханг.

— Её присутствие стало ощутимее — сказал он тихо, почти шёпотом, и его голос дрогнул от волнения.

— Ты видишь её?

— Нет. Но она была рядом.

Мако оглядел площадь. Ничего необычного: запах жареного теста, пыль под ногами, звон посуды, громкие голоса. Однако теперь он тоже ощущал слабое покалывание в воздухе — едва заметное, но неестественное. — Может быть, она наблюдает за нами, — сказал он.

— Пусть наблюдает.

— Это тебе не нравится?

— Мне не нравится, что она видит нас, а мы не видим её.

Мако усмехнулся. — Наконец-то ты понял, каково это — быть обычным человеком.

Люцифер бросил на него предупреждающий взгляд, но

спорить не стал. Они ещё некоторое время оставались на площади, делая вид, что просто наблюдают за подготовкой к фестивалю. Люцифер больше не пытался немедленно броситься по следу. Он внимательно изучал улицы и людей, запоминая каждую деталь. Мако следил за крышами и переулками, проверяя, не наблюдает ли кто-нибудь за ними.

***

Где-то неподалёку Скарлет остановилась у прилавка с украшениями, держа в пальцах браслет из бирюзы и делая вид, что рассматривает его. На самом деле всё её внимание было сосредоточено на двух незнакомцах, прошедших в нескольких метрах.

Один из них был высоким, широкоплечим, с тёмными волосами, почти чёрными на солнце. В его походке чувствовалась уверенность хищника, привыкшего к тому, что ему подчиняются. Второй был похож — статный, с чертами, которые могли принадлежать и демону, и человеку. Но она не видела их лиц, только смутные силуэты, которые исчезли в толпе так же быстро, как появились. Но зато почувствовала их. Одна аура была тёмной и холодной, как ночное небо без звёзд. Она не просто ощущалась — давила на сознание, вызывая впечатление чужого взгляда из глубины темноты. Вторая была теплее, но не слабее. В ней скрывалась сила, будто ожидавшая подходящего момента, чтобы проявиться.

— *Они идут сюда*, — голос Мурасамэ прозвучал в её сознании напряжённо. — *Прямо на нас. Я чувствую их всё от-*

чётливее. Они знают, что мы здесь, или, по крайней мере, чувствуют: рядом есть что-то необычное.

Скарлет замерла и её сердце ударило сильнее, но лицо осталось спокойным. Она медленно провела пальцами по бусинами, будто выбирала украшение.

— Ты можешь понять, кто они? — мысленно спросила она.

— Нет. Земля Лхасы искажает энергии, я ощущаю силу, но не могу различить её источник. Это может быть демоническая энергия, божественная или нечто, с чем мы прежде не сталкивались.

— А если они связаны с теми, кто искал меня в прошлом ?

— Тогда сейчас не время это проверять.

— Ты предлагаешь бежать?

— Предлагаю не позволять двум неизвестным существам выбрать место и время нашей первой встречи.

Скарлет едва заметно улыбнулась. *— Разница между нами лишь в формулировках. Ты называешь это осторожностью, а я — бегством.*

— Я называю это здравым смыслом.

Она положила браслет обратно на ткань и заставила себя сделать шаг в сторону. Не слишком быстро. Не резко. Просто покупательница, потерявшая интерес к украшению.

Один из незнакомцев прошёл мимо неё. Тёмная энергия скользнула по коже холодным прикосновением. Скарлет

не позволила себе обернуться. Через несколько секунд мимо прошёл второй — и его присутствие отозвалось внутри неожиданным теплом. Не дружелюбным.Скорее знакомым, родным. Огонь в груди дрогнул, будто узнал нечто, чему сама Скарлет не могла подобрать названия. Она остановилась у лотка с тканями, рассматривая вышитые узоры.

— Мурасамэ, ты это почувствовал?

Он ответил не сразу. *— Да.*

— Что это было?

— Не знаю.

— Ты слишком часто сегодня это говоришь.

— Потому что земля Лхасы мешает мне видеть полную картину. Я могу определить направление, силу и намерение. Но их сущность распадается, едва я пытаюсь коснуться её глубже.

— Намерение?

— Один ищет. Второй следует за ним.

Скарлет незаметно сжала пальцы. *— Кто из них опаснее?*

— Тот, кто считает себя менее опасным.

Она едва не усмехнулась. — Очень развёрнутый ответ.

— Другого у меня нет.

Незнакомцы тем временем продолжали идти. Они не остановились и не посмотрели на неё. Но Скарлет чувствовала: это не означало, что её не заметили. Возможно, они просто не были уверены. Возможно, проверяли реакцию. А

может, среди рыночного шума они действительно прошли мимо, не сумев распознать скрытую ауру.

Когда расстояние между ними увеличилось, Мурасамэ наконец позволил себе выдохнуть.

— Они ушли, н е смогли нас обнаружить.

— Уверен?

— Нет.

— Ты решил сегодня быть особенно успокаивающим?

— Я решил быть честным.

Скарлет свернула с площади в более тихий переулок. Здесь было меньше людей, но больше закрытых дверей и тёмных окон. Она не любила такие места: слишком много углов, слишком мало свидетелей. Однако двигаться прежним маршрутом казалось ещё глупее.

— Почему ты не сказал, что один из них идёт прямо за нами?

— Потому что он не идёт за нами.

Скарлет остановилась. *— Мурасамэ.*

— Он свернул в другую сторону.

Она повернула голову, не поднимая взгляда. В отражении витрины увидела часть площади: красные ленты, голубые флаги, людей, снующих между палатками. Тёмноволосый незнакомец стоял у продавца пряностей. Его спутник исчез за поворотом.

Мужчина не смотрел на неё.

Но Скарлет не сомневалась, что он знает, где она.

— Он специально разделился с напарником? — спросила она.

— Возможно. Или они не напарники.

— Тогда кто?

Но Мурасамэ оставил её без ответа.

— Ладно, уходим, — сказала она тихо, но твёрдо, и в её голосе не было страха — только холодная решимость. — Если они ищут меня, я не хочу встретиться с ними здесь. Помоги мне, Мурасамэ, скрой меня, и мы уйдём.

— Куда? — спросил Мурасамэ, и в его голосе послышалось недовольство. С недовольным ворчанием он слился с её правой рукой. На коже блеснул ряд тонких линий, которые начали тянуться вверх от запястья к локтю, словно ожившие чернила. Эти линии были не просто рисунком — древний язык контракта, запечатлённый в самой ткани реальности. Они пульсировали слабым серебристым светом, когда Мурасамэ использовал свою силу, и сейчас этот свет был едва заметен, приглушённый, чтобы не привлекать внимания.

Скарлет почувствовала, как по её руке пробежала прохладная волна — Мурасамэ окутывал её ауру плотным покрывалом, делая её почти невидимой для тех, кто мог бы искать. Её собственное магическое присутствие, обычно яркое и живое, словно приглушили, накрыв слоем тумана. Теперь она чувствовала себя почти обычной — без той внутренней силы, которая всегда пульсировала в ней, напоминая о её природе.

— Запутаем след, прогуляемся по городу, заодно найдём, что перекусить, а потом пойдём в гостиницу, — сказала она, уже направляясь к выходу из переулка. Её движения были спокойными, но каждое из них было выверено — она знала, что любая паника может выдать её.

Печать на её руке загорелась чуть ярче, и голос Мурасамэ прозвучал в её сознании с лёгкой насмешкой:— *Разве в преддверии фестиваля можно найти в городе гостиницу? Они уже почти все заняты. Я видел толпы людей на улицах. Каждый второй спрашивает, где можно остановиться.*

— Я знаю одно место, — Скарлет усмехнулась, сворачивая в сторону главной улицы, и в её голосе послышалась уверенность. — Маленькая гостиница на восточной окраине. Там почти всегда есть свободные комнаты. И хозяйка — моя старая знакомая. Она никогда не отказывает мне.

— *Ты уверена, что хочешь остаться?* — голос в её сознании стал серьёзнее. — *Это риск. Мы могли бы просто вернуться в храм и переждать там. Лобсанг бы понял.*

— Я всегда рискую, — ответила она, и в её голосе послышалась дерзость. — Это моя натура. И потом, если я вернусь в храм сейчас, они могут проследить за мной. Я не хочу подвергать опасности монахов.

Скарлет вышла из переулка на главную улицу и позволила себе на мгновение остановиться, впитывая атмосферу города. Лхаса жила своей жизнью, и эта жизнь была прекрасна в своей хаотичности. Она закрыла глаза на секунду, вдыхая

знакомые запахи, и почувствовала, как напряжение в плечах немного спадает.

Утреннее солнце уже поднялось над крышами, заливая узкие улочки тёплым золотистым светом. Стены домов, выкрашенные в белый и терракотовый цвета, казались почти светящимися, а резные деревянные балконы, украшенные яркими флагами, добавляли городу особого колорита. Вдалеке слышались крики торговцев и смех детей — звуки, которые она знала с детства, звуки дома.

Скарлет двинулась по улице, заглядывая в знакомые лавки. Она не торопилась — ей нужно было убедиться, что никто не следует за ней, и заодно насладиться тем, что она так долго не видела. Каждый шаг был осознанным, каждое движение — естественным. Она была частью этого города, и он принимал её такой, какая она есть.

Первой на её пути оказалась небольшая пекарня, которую она знала ещё с тех времён, когда только начала жить в Лхасе. Стеклянные витрины были заполнены свежими булочками, покрытыми золотистой корочкой, и сладкими пирожками с начинкой из абрикосового джема. Запах выпечки разносился по всей улице, заставляя прохожих останавливаться и заглядывать в витрину.

— Скарлет! — раздался радостный голос из-за прилавка. Пожилая женщина с добрыми морщинистыми глазами помахала ей рукой. Её лицо было тёплым и приветливым, как у бабушки, которую Скарлет никогда не знала. — Ты верну-

лась! Я думала, ты совсем забыла нас!

— Как можно забыть твои булочки, Амма? — улыбнулась Скарлет, подходя к прилавку. — Я объехала полмира, но нигде не нашла таких вкусных. Твоя выпечка — единственное, что я действительно искала в каждом городе.

— Лесть тебе не поможет, — рассмеялась женщина, но уже протягивала ей тёплую булочку, завернутую в бумагу. — Держи, это тебе. Как приветствие от старой знакомой. Ты же знаешь, я всегда рада тебя видеть.

Запах свежей выпечки ударил в нос — тёплый, маслянистый, с нотками ванили и корицы. Скарлет взяла булочку, отломила кусочек и почувствовала, как внутри разливается тепло. Хрустящая корочка, мягкий, воздушный хлеб, сладкая начинка, которая таяла на языке. На мгновение она закрыла глаза, наслаждаясь вкусом, который напоминал ей о доме, о тех временах, когда она только начинала узнавать этот город.

— Спасибо, Амма, — сказала она, прожёвывая. — Я зайду ещё, когда буду возвращаться.

— Заходи, заходи, — женщина помахала ей вслед. — Я всегда рада тебя видеть! Ты приносишь удачу этому месту.

Скарлет пошла дальше, пережёвывая булочку и разглядывая улицы. Следующей лавкой была маленькая мастерская, где старый ремесленник делал украшения из бирюзы и кораллов. Она остановилась на мгновение, глядя на браслеты и серьги, разложенные на деревянных подносах. Камни пере-

ливались на солнце — голубые, зелёные, красные — и Скарлет почувствовала, как внутри неё отозвалась вода. Интересно. Обычные камни, но они резонировали с ней. Запах металла и камней смешивался с ароматом сандалового дерева, который исходил от самого мастера.

— Тебе нравится? — спросил старик, поднимая глаза. Его руки, покрытые морщинами и мозолями, двигались уверенно, превращая сырьё в искусство. — Я могу сделать что-то особенное для тебя.

— Нет, спасибо, — улыбнулась Скарлет. — Просто смотрю. У вас красивые работы. Вы настоящий мастер.

— Красота — в глазах смотрящего, — ответил он, возвращаясь к работе. — Если тебе что-то понадобится, ты знаешь, где меня найти.

Она пошла дальше, и её взгляд упал на маленькую чайную, где, как она помнила, подавали лучший чай с молоком в городе. Она почти остановилась, но решила, что лучше сначала добраться до гостиницы.

По пути она зашла в несколько других лавок — купила немного сушёных фруктов у торговца, который нахваливал свой товар так громко, что его было слышно за квартал, и взяла маленький кусочек сладкого рисового пирога у женщины, которая торговала прямо на улице. Каждый запах — жареные орехи, пряные травы, свежий хлеб, — казалось, был создан специально, чтобы напомнить ей, почему она так любит этот город.

— Ты наслаждаешься, — заметил Мурасамэ в её сознании. *— Хотя мы должны быть осторожными.*

— Я всегда наслаждаюсь жизнью, — ответила она мысленно. *— Даже когда за мной охотятся. Это моя суперсила.*

— Ты неисправима.

— Я знаю. Именно поэтому ты меня и любишь.

Наконец она вышла на узкую улочку, где среди старых домов пряталась небольшая гостиница с вывеской, на которой было написано «Дом утренней зари». Деревянная табличка, вырезанная вручную, слегка покачивалась на ветру, а на стене рядом с дверью висел маленький колокольчик. Гостиница была небольшой, всего на пять комнат, но уютной и тёплой. Стены были выкрашены в мягкий кремовый цвет, а у входа стояли горшки с яркими цветами — герань, розы, лаванда — которые Пема выращивала с любовью.

Скарлет остановилась перед дверью, чувствуя, как внутри неё разливается тепло. Это место стало для неё вторым домом. Она помнила, как впервые попала сюда — испуганная, потерянная, почти ничего не помнящая о своём прошлом. Пема не задавала вопросов. Она просто дала ей комнату, накормила и сказала: «Ты останешься столько, сколько тебе нужно». С тех пор Скарлет всегда останавливалась здесь, когда спускалась в город.

Она толкнула дверь, и колокольчик над ней мелодично звякнул. Внутри пахло сушёными травами и деревом — за-

пах, который Скарлет ассоциировала с уютом и безопасностью.

— Скарлет! — воскликнула хозяйка, пожилая женщина по имени Пема, бросаясь к ней с распростёртыми объятиями. Её лицо сияло искренней радостью, а глаза блестели от счастья. — Я не видела тебя почти год! Где ты пропадала?

— Путешествовала, — улыбнулась Скарлет, обнимая женщину в ответ. — Концерты, дела, встречи. Но я вернулась на фестиваль. Я не могла пропустить его.

— Ты на фестиваль? — Пема удивлённо подняла брови. — Ты же знаешь, что там будет толпа народа. Зачем тебе это? Ты всегда говорила, что не любишь местные шумные сборища.

— Хочу увидеть всё своими глазами, — Скарлет пожала плечами. — И заодно… найти кое-кого.

Пема нахмурилась, но ничего не сказала. Она провела Скарлет в её любимую комнату на втором этаже — небольшую, но с большим окном, из которого открывался вид на горы и на храм Джокханг, сверкающий золотом на солнце. Комната была уютной, с деревянной кроватью, покрытой тёплым одеялом, и старым письменным столом у окна.

— Я принесу тебе чай и немного еды, — сказала Пема, останавливаясь в дверях. — Ты, наверное, голодна после долгой дороги.

— Спасибо, Пема, — Скарлет улыбнулась. — Ты всегда заботишься обо мне.

— Ты как дочь мне, — женщина покачала головой. — Я не могу не заботиться о тебе. И потом, кто ещё будет пить мой чай так, как ты? Ты всегда говоришь, что он самый лучший в городе.

Она вышла, и Скарлет осталась одна. Она подошла к окну и посмотрела на город. Лхаса жила своей жизнью, и эта жизнь была прекрасна в своей хаотичности. Скарлет чувствовала, как внутри неё поднимается странное возбуждение. Через семь дней её объявят аватаром, владелицей четырёх стихий. Мир изменится. И в этот самый момент, когда она так близка к тому, чтобы получить всё, в городе появляются незнакомцы с аурами такой силы, что даже Мурасамэ насторожился.

— Это будет интересная неделя, — тихо сказала она себе, глядя на золотые крыши храма.

Мурасамэ бесшумно отделился от её руки, материализовался в ворона и сел на подоконник, глядя на неё своими умными тёмными глазами. Его перья блестели в солнечном свете, а в глазах отражалась древняя мудрость.

— Интересная — это, скорее всего, значит опасная. Ты это понимаешь, Скарлет.

— Я знаю, — она улыбнулась, и в её глазах зажглась хищная искорка. — Поэтому я и хочу её увидеть. Я хочу знать, кто они и что им нужно.

Она провела рукой по стеклу, ощущая прохладу. Энергии в городе начали уходить из центральной части, растворяясь

в толпе. Они не преследовали её — по крайней мере, пока. Но она чувствовала, что они всё ещё где-то рядом, как тени, которые ждут своего часа.

— Как думаешь, они ушли? — спросила она, не отрывая взгляда от горизонта.

— Думаю, да, — ответил Мурасамэ. — Они потеряли след. Но они не уйдут далеко. Они останутся в городе. Чувствуют, что ты где-то рядом. Они знают, что ты здесь, и будут искать.

— Значит, у нас есть время, — она повернулась к нему, и в её взгляде мелькнула решимость. — Мы можем попытаться выяснить, кто они, прежде чем они найдут нас. Мы можем использовать это время с умом.

— Это рискованно, — заметил Мурасамэ, и в его голосе послышалась осторожность. — Если они опасны, ты можешь попасть в ловушку.

— Я знаю, — она улыбнулась, и в её улыбке была та самая дерзость, которая делала её Скарлет. — Но это будет весело. Ты же знаешь, я никогда не умела сидеть сложа руки.

Мурасамэ вздохнул, но в его взгляде мелькнула тень уважения. Он знал, что не сможет переубедить её. Скарлет всегда шла своим путём. — Тогда давай сделаем это, — сказал он. — Но осторожно. Ты нужна этому миру, даже если сама этого ещё не понимаешь.

Скарлет посмотрела на город, который простирался перед ней, и почувствовала, как внутри неё поднимается волна ре-

шимости. Она была готова к любой встрече. Она была готова к тому, что ждало её впереди.

***

Оставшийся день скарлет решила не рисковать и провела в гостинице, отдыхая и размышляя. Пема принесла ей чай — густой, ароматный, с молоком и щепоткой соли, как она любила, — и немного еды: свежий хлеб, сыр, сушёные фрукты. Скарлет сидела у окна, глядя на город, который медленно просыпался и готовился к празднику. Тёплый пар от чая поднимался к лицу, смешиваясь с ароматами, доносившимися с улицы.

Её мысли возвращались к тем двоим, чьи энергии она чувствовала: Кто они? Почему они здесь? И почему они ищут именно её?

Она вспомнила момент, когда они прошли мимо неё на рынке. **«Они искали меня*, — поняла она. — *Но не знали как я выгляжу, просто чувствовали, что я где-то рядом. Как будто моя энергия притягивала их»**.

Она поставила чашку на подоконник и закрыла глаза, пытаясь успокоить дыхание. Внутри неё всё ещё пульсировал огонь — тот самый, который делал её той, кем она была. Он был её силой, её проклятием, её сутью. Он не терпел лжи, не терпел страха. И сейчас он требовал ответов.

— Кто они, Мурасамэ? — спросила она вслух, не открывая глаз. — Ты чувствуешь их лучше, чем я. Что ты видишь, когда касаешься их энергий?

Мурасамэ бесшумно материализовался из её руки и сел на подоконник рядом с ней. Его тёмные глаза блестели в свете дня, и Скарлет чувствовала, как он обдумывает ответ.

— Я вижу тьму, — сказал он наконец. — Глубокую, древнюю тьму, которая не знает света. Она не злая — она просто есть. Как ночь, которая не выбирает быть тёмной. Но в ней чувствуется что-то ещё. Что-то, что ждёт.

— Что ждёт? — Скарлет открыла глаза и посмотрела на него.

— Не знаю, — признался он. — Но я чувствую, что эта тьма не случайна. Она связана с тобой. Как будто вы — две стороны одной монеты.

Скарлет вздрогнула. Эти слова отозвались в ней чем-то глубоким, почти болезненным. Две стороны одной монеты За столетия жизни Скарлет осознала, что её существование было балансом, который мог нарушиться в любой момент. — Может быть, они ищут меня, чтобы уничтожить, — тихо сказала она. — Может быть, они знают, кто я, и хотят использовать это против меня.

— Или они ищут тебя, чтобы помочь, — возразил Мурасамэ. — Ты не знаешь их намерений. Не делай поспешных выводов.

Скарлет усмехнулась, но в её усмешке не было веселья. — Я никогда не делаю поспешных выводов. Я просто готовлюсь к худшему. Это помогает мне выживать.

Она встала и подошла к окну, глядя на город, который

простирался перед ней. Лхаса жила своей жизнью — торговцы продавали товары, дети бегали по улицам, женщины украшали фонари к фестивалю. Город был прекрасен, и это спокойствие казалось почти нереальным.

— Ты думаешь, они уйдут? — спросила она, не оборачиваясь. — Если я не покажусь им, они уйдут?

— Нет, — честно ответил Мурасамэ. — Они не уйдут. Они будут ждать. Они чувствуют, что ты здесь, и они не остановятся, пока не найдут тебя.

Скарлет кивнула, словно ожидала этого ответа. Она знала, что не может прятаться вечно. Она должна встретиться с ними лицом к лицу. Но сначала ей нужно было понять, кто они и что им нужно.

— Завтра я пойду на базар, — сказала она, и в её голосе послышалась решимость. — Возможно, я увижу их там. Или, может быть, у меня появится шанс понять, что они ищут. Я не могу сидеть сложа руки.

— Это опасно, Скарлет, — повторил Мурасамэ, но в его голосе уже не было прежней настойчивости. Он знал, что не сможет остановить её.

— Я знаю, — она улыбнулась, и в её улыбке была та самая дерзость, которая делала её Скарлет. — Но это также интересно. Ты же знаешь, я никогда не умела сидеть на месте.

Скарлет стояла у окна, глядя на город, и чувствовала, как внутри неё поднимается волна предвкушения. Завтрашний день обещал быть интересным.

#Глава третья: След в толпе

Скарлет проснулась от звуков города. Внизу звенели колокольчики, которые Пема вешала над дверью каждого номера. Голоса торговцев перекликались на улице, предлагая свежий хлеб, горячий чай и сладости. Дети смеялись и бегали по мостовой, их звонкие голоса отражались от стен старых домов. Вдалеке слышался монотонный ритм барабана: кто-то из монахов начинал утреннюю молитву, и этот звук, глубокий и вибрирующий, проникал в самые тайники души.

Она лежала в кровати, глядя в потолок, и перебирала вчерашний день. Момент на базаре, когда она почувствовала их приближение. Разговор с Мурасамэ на подоконнике. Холодок, пробежавший по спине, когда они прошли мимо, такие близкие и такие недосягаемые.

Комната была небольшой, но уютной. Стены выкрашены в мягкий кремовый цвет, на них висели несколько старых тибетских ковров с геометрическими узорами, подарок Пемы. Деревянная кровать покрыта тёплым одеялом ручной работы, расшитым красными, жёлтыми и синими цветами. Рядом столик с медным чайником и чашкой. Окно выходило на восток, и первые лучи солнца проникали сквозь занавески, окрашивая комнату в золотистый цвет. За окном виднелись горы, их снежные вершины сверкали в утреннем свете.

На подоконнике сидел Мурасамэ. Чёрные перья блестели

на солнце, отливая металлическим синеватым блеском. Время от времени ворон склонял голову, прислушиваясь к звукам города, и всматривался в толпу своими умными тёмными глазами. Он казался спокойным, но Скарлет знала: Мурасамэ никогда не расслаблялся полностью и даже во сне он оставался стражем.

Она глубоко вздохнула и закрыла глаза. Вчерашний день был полон событий. Незнакомцы, их энергии, момент на базаре, когда она была так близко к тому, чтобы встретиться с ними лицом к лицу.

«Они не ушли. — подумала она, и эта мысль заставила её сердце биться быстрее. — Я чувствую их. Их энергии всё ещё рядом, но они стали тише. Словно они знают, что я здесь, и просто ждут подходящего момента.»

Она перевернулась на бок, глядя на стену, где висела фотография горного пейзажа. Старая, выцветшая, но Скарлет помнила, как Пема повесила её в тот день, когда она впервые приехала в гостиницу.

«Чтобы ты всегда помнила, что есть места, где ты можешь быть свободной», сказала тогда Пема.

Но это утро не принесло облегчения. Едва она успела насладиться тишиной, как незваные воспоминания нахлынули снова. Она снова видела сны, которые преследовали её с самого детства. Странные, обрывочные образы, которые она не могла объяснить. Женщина с платиновыми волосами, которую она никогда не видела, но которая казалась ей знакомой.

Она держала Скарлет на руках, пытаясь успокоить, и лицо её было встревоженным. Она куда-то торопилась, постоянно оглядывалась, словно боялась, что кто-то её преследует.

— Кто ты? — прошептала Скарлет в пустоту.

Мурасамэ повернул голову. Его тёмные глаза блестели в полумраке комнаты.

— Ты снова видела этот сон? — спросил он тихо. Его голос был мягким, почти нежным, таким, каким он был только с ней.

— Да, — ответила она, не открывая глаз. — Я вижу её почти каждую ночь. Женщину с платиновыми волосами. Она снова держала меня на руках. Я слышала её голос, но не понимала слов. Она боялась, Мурасамэ, не за себя. За меня.

— Сны не всегда говорят правду.

— Но ведь иногда помогают вспомнить.

— Ты слишком много думаешь об этом, — сказал Мурасамэ, и его голос стал серьёзнее. — Это не помогает. Ты не можешь изменить прошлое, Скарлет. Ты можешь только идти вперёд, прошлое останется там, где ему место. Позади.

Скарлет открыла глаза. — А что мне ещё делать? Сделать вид, что ничего не происходит?

— Нет, я просто предлагаю не позволять прошлому управлять тобой.

— Легко сказать тому, кто помнит тысячелетия собственной жизни.

Ворон слегка расправил крылья. — Поверь, память не де-

лает жизнь проще. Иногда это всего лишь более длинный список того, что хотелось бы забыть.

Скарлет внимательно посмотрела на него. Мурасамэ редко говорил о себе. Обычно он прятал старые раны за насмешками и наставлениями, поэтому даже короткое признание заставило её замолчать.

— Ты прав, — тихо сказала она. — Я не могу изменить прошлое, но я могу попытаться узнать о нём больше.

— Что если правда окажется не такой, какой ты её представляешь и будет слишком тяжёлой для тебя? — спросил Мурасамэ, и в его голосе послышалась осторожность.

Скарлет замолчала. Это был хороший вопрос. Она действительно была готова к тому, чтобы узнать правду о себе? Даже если эта правда окажется болезненной? Она много лет жила, не зная о своём прошлом, и это давало ей свободу. Но свобода, основанная на незнании, была иллюзией.

— Я не знаю, — призналась она, и её голос дрогнул. — Но я хочу знать. Я устала жить в неведении. — Она села, подтянув колени к груди. — Но что, если эти незнакомцы знают ответы? Что, если они могут сказать, кто эта женщина? Что, если они знают, откуда я пришла?

Мурасамэ перелител на кровать и устроился рядом со Скарлет.

— Тогда мы узнаем. Вместе. — В его голосе не было обещания лёгкого пути. Только уверенность, что он не оставит её, какой бы ни оказалась правда. — Но не торопись. Эти

незнакомцы опасны. Я чувствую это, даже если не могу определить, кто они. Мы не можем позволить себе ошибок.

— Ты вчера говорил, что почувствовал две энергии.

— Почувствовал, не значит что понял. Одна из них холодная и тяжёлая, вторая кажется теплее, но это ничего не доказывает. Земля Лхасы искажает следы. Здесь слишком много древней энергии, молитв и человеческих эмоций. Они наслаиваются друг на друга, как чернила в воде. Я могу уловить их присутствие, но не могу разобрать форму.

— Значит, пока мы не можем узнать точно, демоны это или боги?

— Не можем. И я не стану придумывать ответ ради твоего спокойствия.

Скарлет усмехнулась. — Вот за это я тебя и ценю. Ты всегда умеешь «успокоить».

— Я стараюсь быть честным.

— Это твоя вторая худшая черта.

— А первая?

— Ты ужасно много болтаешь.

— Ты сама задаёшь вопросы.

Скарлет улыбнулась и протянула руку, чтобы погладить его по голове. Его перья были мягкими и тёплыми на ощупь, и она чувствовала, как через это прикосновение передаётся его спокойствие, то глубинное, древнее спокойствие, которое он хранил в себе девять тысяч лет.

— Спасибо, — сказала она. — Не знаю, что бы я делала

без тебя.

— Справилась бы, — ответил Мурасамэ. — Ты упрямая, дерзкая и постоянно выбираешь самый опасный путь из возможных. Но я рад быть рядом, чтобы хотя бы иногда оттаскивать тебя от края пропасти.

— Иногда?

— В лучшие дни мне удаётся сделать это дважды.

За окном слышались голоса Пемы, которая разговаривала с кем-то на первом этаже. Запах свежего хлеба и чая поднимался по лестнице, смешиваясь с ароматом благовоний, которые Пема всегда зажигала по утрам. Среди голосов Скарлет узнала низкий, хрипловатый голос старого торговца коврами, который останавливался здесь каждый год.

— Мне нужно спуститься, — сказала Скарлет. — Пема уже приготовила завтрак. И, возможно, знает что-нибудь о наших гостях.

— Возможно, она знает больше, чем говорит.

— Может быть. Но Пема любит меня и не станет скрывать опасность.

— Любовь не мешает людям скрывать правду, если они считают, что так защищают близкого.

Скарлет задержала на нём взгляд. — Ты сейчас говоришь о ней или о себе?

Мурасамэ промолчал, и это молчание было ответом. Он не отводил взгляда, но в его тёмных глазах мелькнула тень, которую Скарлет научилась замечать за долгие годы, поэто-

му она не стала давить. Вместо этого она молча коснулась его крыла кончиками пальцев, и этого оказалось достаточно.

Она подошла к тазику с водой, умылась, чувствуя, как прохладная вода возвращает ей энергию. Надела светлые джинсы и простую белую рубашку, которую оставила здесь в прошлый раз. Рубашка была мягкой, слегка выцветшей от времени, и пахла лавандой: Пема всегда стирала вещи гостей с добавлением сушёных трав. Волосы заплела в две небрежные косы, но несколько прядей выбились и мягко обрамляли лицо. Она посмотрела на себя в маленькое зеркало на стене.

— Ну что, я готова? — спросила она у Мурасамэ.

— Ты всегда готова, — ответил он с лёгкой насмешкой. — Но если ты всё-таки собираешься расспрашивать Пему, будь осторожна. Она не знает всей правды о тебе.

— Знаю.

***

Скарлет спустилась на первый этаж. Пема накрыла на стол в небольшой уютной комнате, где пахло свежим хлебом, топлёным маслом и чем-то сладким. Стол был деревянным, с тёплой полировкой, на нём стояли глиняные чашки с ароматным чаем с молоком, густым, пряным, с нотками корицы и кардамона. Рядом корзина с ещё тёплыми булочками, тарелка с маслом, мёд в маленьком кувшинчике и несколько видов местных сладостей: сушёные фрукты, орехи в сахаре, сладкие рисовые шарики, обсыпанные кунжутом.

Скарлет села за стол и с наслаждением вдохнула аромат.

Отпила глоток чая, чувствуя, как тепло разливается по телу, согревая её изнутри и прогоняя остатки утренней тревоги.

— Ты рано, — заметила Пема, садясь напротив. Её глаза смотрели внимательно, с той особенной зоркостью, которая приходит к тем, кто много лет наблюдает за людьми. — Не спалось?

— Сны, — ответила Скарлет, отламывая кусочек булочки и макая его в мёд. — Странные сны. Одна и та же картина почти каждую ночь: женщина с платиновыми волосами держит меня на руках и куда-то бежит. Я не вижу её лица, но чувствую её страх.

— Сны — это отражение наших мыслей, — философски отметила Пема, наливая себе чай. — Иногда они просто показывают нам то, что мы боимся признать. Ты боишься своего прошлого, Скарлет.

Скарлет кивнула, но ничего не ответила, ведь знала, что Пема права, но это не делало её сны менее тревожными. Она откусила кусочек булочки, чувствуя, как хрустящая корочка тает на языке.

— Я так рада, что ты вернулась, — продолжила Пема, садясь рядом. — В последнее время в городе так много незнакомцев. А перед фестивалем их станет ещё больше.

— Я уже слышала, что приезжих много.

— Много, не то слово. Паломники, торговцы, путешественники. Но есть двое, которые особенно выделяются среди остальных и не похожи на обычных туристов.

Скарлет взяла булочку и медленно намазала её мёдом. — Что за двое?

— Мужчины, — Пема пожала плечами, но в её голосе слышалась настороженность. — Очень красивые. Один из них высокий, с тёмными волосами и глазами, которые я никогда раньше не видела. Алые. Такие глаза не забываются.

Скарлет внутренне напряглась, но не показала вида. Она продолжала спокойно жевать булочку, хотя внутри всё сжалось. Алые глаза. Это была деталь, которая не оставляла сомнений — демон. Обычно, только они могли иметь такие глаза. И не простые демоны, а те, кто носит в себе древнюю силу, которая не подчиняется законам смертных миров. Но она старалась не торопиться с выводами.

— Алые глаза? — переспросила она как можно более безразлично, делая глоток чая, чтобы скрыть дрожь в голосе. — Это необычно. Даже для Лхасы, где бывает много странных людей.

— Да, алые, как кровь, — Пема кивнула, и её голос стал тише, словно она боялась, что их могут услышать. — И смотрит так, будто знает о тебе больше, чем ты сама. Второй тоже высокий, но выглядит спокойнее. Он с каштановыми волосами, и в его взгляде есть что-то тёплое, но не менее цепкое. Но его я тоже не назвала бы безопасным. В нём чувствуется сила, Скарлет. Такая же древняя, как у первого, но другая. Более сдержанная, что ли. Как будто он привык скрывать свою суть.

— И давно они здесь?

— Почти полтора года, — Пема немного задумалась. — Остановились в гостинице «Хироши Сато». Каждый день ходят по городу, разговаривают с торговцами, расспрашивают жителей. Не похожи на людей, которые приехали полюбоваться горами.

— Они кого-то ищут?

Пема сжала пальцы на краю чашки. Её руки, покрытые мелкими морщинками, дрожали, и Скарлет заметила это. Пема редко нервничала, ведь была слишком мудрой, чтобы позволять страху управлять собой. Но сейчас она явно была встревожена.

— Да. Я слышала, как они говорили, что не уедут, пока не найдут нужного человека.

Скарлет заставила себя отломить ещё кусочек булки. Тесто было мягким, почти невесомым, но она не чувствовала вкуса.

— Почему ты не рассказала мне в прошлый раз, когда я гостила у тебя?

— Потому что надеялась, что они уйдут. А потом поняла: если скажу, ты обязательно начнёшь искать их сама. Ты всегда такая, Скарлет: не умеешь ждать, не умеешь отступать и идёшь навстречу опасности, даже когда можешь просто спрятаться.

— Это несправедливое обвинение, — Скарлет изобразила лёгкую обидчивость.

— Скарлет, ты однажды пошла за человеком через половину города только потому, что он несправедливо назвал тебя трусихой.

— Он заслуживал урока.

— Он до сих пор вспоминает этот урок каждый раз, когда видит огонь. — Пема помолчала, и её улыбка стала шире. — Говорит, что с тех пор боится даже спичек.

Скарлет не удержалась от короткой улыбки, но тревога никуда не исчезла. Она сидела внутри, свернувшись клубком, и не собиралась уходить. Алые глаза. Демон. Полтора года в Лхасе. Кого эти двое ищут?

— Пема, — она посмотрела прямо в глаза хозяйке. — Они опасны?

Взгляд Пемы изменился и она посмотрела на Скарлет уже не как на постоялицу, а как на дочь.

— Не знаю. Но люди, которые так долго ищут кого-то и не сдаются, редко приходят с добрыми намерениями.

Скарлет накрыла её руку своей. — Я буду осторожна.

— Ты всегда так говоришь перед тем, как сделать что-нибудь безрассудное.

— Но сегодня я постараюсь удивить тебя.

Пема вздохнула, но спорить не стала, ведь знала отговаривать эту девушку, если она что-то решила, бесполезно.

— Тогда иди, — сказала она, убирая руку Скарлет. — Но помни: если что-то пойдёт не так, ты всегда можешь вернуться сюда. Мой дом — твой дом.

Скарлет встала из-за стола и обняла Пему. От женщины пахло хлебом, специями и чем-то домашним, родным.

— Спасибо, — прошептала она.

Она направилась к лестнице. Поднимаясь по ступеням, почувствовала, как Мурасамэ зашевелился в её руке. Линии на запястье слегка пульсировали, словно он прислушивался к её мыслям.

— Ты слышал? — спросила она, заходя в свою комнату и закрывая за собой дверь. Прислонилась к двери спиной и закрыла глаза.

— *Слышал.* — Голос Мурасамэ прозвучал в её сознании ровно, без привычной насмешки. — *Алые глаза, долгий поиск. Вероятность того, что они ищут тебя, становится выше.*

— Значит, я должна найти их первой, — сказала она, открывая глаза и подходя к окну. — И узнать, что им нужно, прежде чем они найдут меня.

— *Это опасно.* — напомнил Мурасамэ. — *Ты не знаешь их намерений. Если они действительно относятся к демонам, они могут быть сильнее, чем ты предполагаешь. Алые глаза — не просто цвет. Это как печать, символ древней крови.*

— Я помню, — она улыбнулась, и в этой улыбке мелькнула её обычная дерзость, смешанная с решимостью.

— *И ты всё равно пойдёшь.* — Мурасамэ тяжело вздохнул, и в этом вздохе было столько усталости, что он сам, каза-

лось, стал тяжелее. Тёмные перья на его груди слегка взъерошились, а глаза, обычно насмешливые, сейчас смотрели серьёзно, почти печально.

— Видишь, теперь ты начинаешь понимать меня.

— Я всегда тебя понима л . Просто продолжаю наде яться , что однажды ты научишься быть осторожнее.

— Сегодня я пойду на базар, — напомнила она. — Возможно, я снова увижу их там.

— Если они почувствуют тебя, всё может закончиться быстрее, чем ты рассчитываешь, — предупредил Мурасамэ, материализовавшись на подоконнике. — Эти двое не похожи на тех, кто любит долгие прелюдии. Они пришли за конкретным человеком и если это ты, сомневаюсь, что они станут церемониться.

— Тогда не позволяй им почувствовать меня, — твёрдо сказала она.

— Знаешь же, земля Лхасы уже мешает мне различать их. — Мурасамэ чуть наклонил голову, и в его голосе послышалось раздражение. — Даде тебя она позволяет скрывать не полностью. Я смогу приглушить твою энергию, но не стереть её. Это как пытаться спрятать костёр под одеялом: дым всё равно остаётся виден.

— Этого достаточно.

— Ты слишком самоуверена.

— А ты слишком осторожен.

— Я древний и мудрый.

— Ты старый и ворчливый. — Скарлет улыбнулась, и в её голосе послышалась привычная насмешка. Она наконец обернулась к нему, и в её глазах плясали искорки, которые всегда появлялись, когда она была готова спорить.

— Это разные вещи, — фыркнул Мурасамэ, и его перья слегка приподнялись, словно от возмущения.

— Для меня — нет.

Мурасамэ фыркнул ещё раз, но в этом звуке слышалась тёплая нотка. Он знал, что не сможет переубедить её. И, возможно, не хотел. Скарлет всегда была такой: дерзкой, бесстрашной — это было частью её натуры. Частью того, что делало её сильной. Частью того, что когда-то привлекло его к ней: древнего ворона, который повидал слишком много, чтобы удивляться, но всё ещё способного восхищаться.

— Если я почувствую угрозу, я заставлю тебя сразу же уйти оттуда, — предупредил он, и его голос был твёрдым, почти приказным. — Не спрашивая. Не советуясь.

— Если ты сделаешь это слишком рано, я выставлю тебя на всеобщее обозрение. — Скарлет склонила голову набок, и её губы тронула дерзкая улыбка. — Представь: говорящий ворон появляется из ниоткуда. Торговцы будут в восторге, дети будут показывать пальцем. А ты будешь мечтать о том, чтобы провалиться сквозь землю.

— Ты не посмеешь, — возразил Мурасамэ, но в его голосе уже не было уверенности.

— Мурасамэ, я однажды заставила тебя просидеть три ча-

са на вывеске чайной, пока ты изображал декоративную птицу. — Она чуть прищурилась, и в её глазах заплясали смешинки. — И, заметь, ты не жаловался. По крайней мере, вслух.

— Это была стратегическая позиция, — важно заявил он, и его перья снова взъерошились. — С вывески был отличный обзор. Я контролировал всю улицу.

— Ты клевал семечки.

— Стратегическое питание.

Скарлет не удержалась от, тёплой улыбки, которая на секунду стёрла с её лица все тревоги. Она шагнула к подоконнику и легонько коснулась пальцем его крыла, почти невесомым движением.

— Хорошо, хорошо, — сказала она. — Тогда ты будешь защищать меня от опасностей, а я буду спасать тебя от скуки. Идёт?

Мурасамэ наиграно щёлкнул клювом, но по этому жесту Скарлет видела, что он был доволен, хоть и не хотел этого показывать.

— Я бы предпочёл, чтобы ты не делала всего этого, — проворчал он. — Моя репутация древнего и мудрого существа страдает.

— Не обещаю, — сказала она, и в её голосе снова зазвучала дерзость, которая всегда помогала ей держаться.

***

Номер, который занимали Мако и Асами, был одним из

самых больших в гостинице «Хироши Сато». Просторная комната с высоким потолком, большим окном и двух спальной кроватью. Стены выкрашены в мягкий бежевый цвет, на полу толстый ковёр с тибетским орнаментом: переплетающиеся драконы и цветы лотоса, вытканные золотыми, красными и синими нитями. Тяжёлые портьеры приглушали утренний свет, создавая уютный полумрак. С улицы доносились голоса торговцев и звон колокольчиков.

Асами проснулась первой. Она лежала на боку, глядя на спящего Мако. Его лицо было спокойным, без той напряжённости, которая обычно появлялась днём. Его тёмные волосы были растрёпаны, несколько прядей упали на лоб, и в этом была какая-то особая, почти мальчишеская уязвимость. При виде этой картины она улыбнулась и тихо вздохнула положив голову ему на плечо. Она любила эти моменты, когда мир был тихим и спокойным, и они были только вдвоём, когда ничто не нарушало их маленькое убежище.

Но тут же внутри шевельнулся холодок. Она знала, что это не продлится долго. Знала, что скоро он проснётся и снова станет тем Мако, который принадлежит долгу, поискам, Люциферу. И ей придётся делить его с миром, который всегда будет важнее неё.

— Ты уже проснулся? — прошептала она, касаясь губами его ключицы.

— Проснулся, — ответил он, обнимая её одной рукой и притягивая ближе. Его голос был низким, хрипловатым со

сна. — Как я мог продолжать спать, когда рядом такая красивая девушка?

Асами усмехнулась, поднимая голову и глядя на него с лёгкой насмешкой: — Лесть тебе не поможет, Мако. Ты просто хочешь, чтобы я не заметила, что ты снова думаешь о своих делах. О той, которую ищешь. О Люцифере. И обо всём, что происходит за пределами этой комнаты.

— Я думаю о тебе, — он приподнял её подбородок и поцеловал в лоб. — О том, как прекрасно ты пахнешь этим утром. О том, как я хочу, чтобы оно длилось вечно.

Её сердце забилось быстрее. Она любила, когда он был таким: нежным, открытым, заботливым. Это были редкие моменты, когда она чувствовала, что принадлежит ему полностью.

— Мако, — прошептала она, прижимаясь к нему ближе. — Я так тебя люблю. Иногда мне кажется, что я не выдержу этой любви и она сожжёт меня изнутри.

— Ты выдержишь, — он поцеловал её в макушку. — Потому что ты сильная. Ты всегда была сильной. Даже когда ты не верила в это. А я всегда буду рядом.

Она провела пальцами по его волосам, но улыбка стала мягче. Она чувствовала его тепло, его дыхание, его присутствие. И в этот момент всё остальное переставало иметь значение.

— Ты опять плохо спал? — Она заметила тени под его глазами.

Мако ответил не сразу. Его ресницы дрогнули, и он приоткрыл глаза — только наполовину, словно даже это требовало усилий.

— Я спал достаточно.

— Это не ответ. — Асами нахмурилась, и её пальцы замерли на его виске.

— Я слышал Люцифера ночью.

— Он снова ходил по коридорам?

— Несколько раз. —Мако задумался. — Четыре. Может, пять. Я сбился со счёта.

Асами тихо вздохнула. Она знала, что Люцифер не спал уже несколько ночей подряд. Видела его в коридоре, когда выходила за водой: он стоял у окна, глядя на горы, и его лицо было таким напряжённым, будто он пытался разглядеть что-то за горизонтом.

— Он всё ещё уверен, что найдёт её? — спросила она, хотя уже знала ответ.

— Он не позволяет себе думать иначе. — Мако повернул голову, и его взгляд стал внимательнее. — Если он перестанет верить, он сломается. И мы не можем этого позволить.

— А ты?

Мако посмотрел на неё. В его взгляде появилась привычная сдержанность, но Асами знала его слишком хорошо, чтобы принять её за безразличие. Она видела, как он сжимает челюсть, когда говорит о поисках и как его плечи напрягаются, когда Люцифер упоминает сестру. Как он отводит взгляд,

когда говорит, что верит в успех.

— Вчера он чётко почувствовал её, — сказал Мако, и его голос был тихим. — Этот след нельзя полностью списать на совпадение. Так что да, я верю, что мы близки.

— Но ты боишься, что всё таки вы можете ошибаться. — Это был не вопрос, просто констатация факта.

— Боюсь, что если это действительно она, мы можем напугать её. — Он помолчал, и его взгляд стал задумчивым. — Ведь то, что для нас это многолетние поиски, для неё может показаться угрозой от незнакомцев. Она не знает нас. Не знает, что мы хотим помочь. И если мы поступим неправильно, это... — он запнулся, подбирая слово, — ...это может закончиться плохо.

Асами легонько коснулась его щеки и Мако на мгновение закрыл глаза, словно позволяя себе на секунду расслабиться.

— Ты не обязан каждый раз брать всю ответственность на себе.

— Но кто-то из нас должен.

— Почему обязательно ты?

Мако накрыл её руку своей, и его пальцы были тёплыми, чуть шершавыми.

— Потому что я могу.

Она снова нахмурилась, но в её глазах не было упрёка. Только забота.

— Мако, не забывай, что ты тоже имеешь право устать. Ты не обязан быть сильным. Не обязан тащить всё на себе.

Иногда можно просто быть слабым и позволить мне позаботиться о тебе.

— Рядом с тобой я не устаю.

— Опять лесть. — Она покачала головой, но уголки её губ дрогнули.

— Работает?

— Пока нет. — Она склонила голову набок, и её волосы скользнули по плечу, задев его руку. — Но продолжай. Мне нравится смотреть, как ты стараешься.

Он медленно провёл рукой по её спине, чувствуя, как она дрожит от его прикосновений. Его дыхание участилось, и он уже собирался поцеловать её, но их прервал стук в дверь. Три коротких, резких удара, таких же, какими Люцифер всегда выбивал свой ритм на любой двери. Мако мгновенно изменился: сонная мягкость исчезла, плечи напряглись, взгляд стал острым. Он сел на кровати, и его рука машинально скользнула к тумбочке, туда, где лежал телефон.

— Это Люцифер, — сказал он.

— Ты даже не спросил.

— Я его узнаю всегда. Он стучит так, словно каждая дверь ему задолжала. — Он вздохнул, и Асами почувствовала, как его тело слегка напряглось. — Похоже, он ждёт нас на завтраке. Мы должны идти, если мы опоздаем, он начнёт ходить по комнате и обвинять меня в том, что я разрушил его тщательно продуманный план.

— Теперь будет. После того как он придумает, почему мы

виноваты.

Асами вздохнула и отстранилась, чувствуя, как внутри поднимается разочарование. Она хотела, чтобы этот момент длился вечно. Но знала, что это невозможно. Люцифер был не просто другом, для Мако он был как брат.

— Ты всегда думаешь о других, — сказала она, и в её голосе не было обиды, только понимание. — И это одна из причин, почему я тебя люблю.

— Прости, — он улыбнулся и поцеловал её в нос.

— Давай собираться. Нам нужно поесть и выпить чай, иначе я не смогу думать о чём-то, кроме еды.

Мако поднялся с кровати и начал одеваться. Тёмно-синие джинсы, простая белая футболка из мягкого хлопка, поверх лёгкая кожаная куртка тёмно-коричневого цвета. Волосы, каштановые и слегка взлохмаченные, он попытался уложить рукой, но одна прядь упрямо выбивалась.

Асами выбрала длинную юбку цвета слоновой кости, которая мягко струилась при каждом движении, и простую блузку с V-образным вырезом. Заплела длинные чёрные волосы в небрежную косу, оставив несколько прядей обрамлять лицо. Вдела маленькие серебряные серьги, подарок Мако на прошлый день рождения.

— Ты выглядишь потрясающе, — сказал Мако, когда она повернулась к нему. — С каждым днём всё красивее. Как ты это делаешь?

— Это всё твои комплименты, — улыбнулась она. — Они

действуют как зелье. Ты должен быть осторожнее, если продолжишь в том же духе, я привыкну и перестану краснеть.

— Я попробую, — он усмехнулся. — Ведь мне слишком нравится видеть, когда ты краснеешь.

Они вышли из комнаты и направились вниз, на террасу, где их уже ждал Люцифер. Терраса выходила на восток, оттуда открывался вид на горы. Вершины, покрытые вечными снегами, сверкали в утреннем солнце, их отражение дрожало в чистом, прозрачном воздухе. Лёгкие облака цеплялись за вершины, создавая ощущение, что горы касаются неба. Воздух был прохладным и свежим, с лёгким горным ароматом: смесь снега, камня и сухой травы. На террасе стояли несколько столов с белыми скатертями, на каждом глиняные чашки и кувшины с водой.

Люцифер сидел за столом, попивая чай и глядя на горы. Он был одет во всё чёрное: простая, но дорогая рубашка, брюки, идеально сидящие, лёгкая куртка, подчёркивающая мускулистую фигуру. Его алые глаза на солнце казались почти рубиновыми, и в них отражались горы.

— Опаздываешь, — заметил Люцифер. Его голос был ровным, но в нём слышалась лёгкая усмешка. — Опять утренние нежности?

— Мы пришли вовремя, — парировал Мако, садясь напротив друга. — Но я знаю, что ты по мне скучал, поэтому мы поторопились.

— Для обычного человека возможно и вовремя. Но для

человека, который должен был быть здесь десять минут назад, нет.

— Ты считал?

— Разумеется. Я всегда считаю, особенно когда дело касается тебя.

Асами села рядом с Мако и взяла чашку. Её коса скользнула по плечу, задев край стола, и она машинально поправила её быстрым, привычным движением.

— Знаете, вы оба похожи на старую супружескую пару.

Люцифер наконец посмотрел на неё. В его глазах мелькнула улыбка, редкая и короткая, но настоящая.

— Он слишком упрям, чтобы быть хорошим супругом. — Сказал Люцифер.

— А ты слишком тревожный, — парировал Мако — Выпей хотя бы чай. Ты опять ничего не ел.

— Я не голоден.

— Ты говорил это вчера. И позавчера. И, кажется, всю прошлую неделю.

Асами поставила перед Люцифером тарелку с рисом, с ломтиками манго и веточкой мяты.

— Ешь, — сказала она, и в её голосе слышалось твёрдое указание.

Он посмотрел сначала на неё, потом на Мако. В его глазах промелькнуло лёгкое раздражение, и ещё немного благодарности, которую он не хотел показывать.

— Вы сговорились? — спросил он, но в его голосе уже не

было сопротивления.

— Нет, — сказала Асами, и её губы тронула едва заметная улыбка. — Просто у нас есть глаза. И мы видим, что ты таешь на глазах. А это, знаешь ли, не входит в наши планы.

Люцифер тяжело вздохнул, почти театрально, но взял палочки. Некоторое время они ели молча. Шум города постепенно становился громче: где-то внизу, на базарной площади, уже начали перекликаться торговцы, и их голоса сливались в один протяжный, гортанный гул. Пахло свежим хлебом и специями — эти запахи поднимались снизу, смешиваясь с горным воздухом.

— Вчера её энергия была ярче, чем за последние годы.— Мако внимательно следил за Люцифером. — Ты чувствуешь е сегодня?

— Вчера я ощущал её в восточной части города. Почти мог дотронуться до неё.. — Люцифер кивнул, и его лицо стало серьёзным. Он отставил чашку и посмотрел на горы, словно искал в них ответ. — Но потом она снова исчезла, словно призрак. И сейчас у меня снова нет чёткого понимания того, где она.

— Что значит исчезла? — переспросила Асами.

— Как бы объяснить. — Люцифер чуть наклонил голову, подбирая слова. — Она стала недоступной. Будто кто-то накрыл её плотным покрывалом. Или спрятал за стеной.

— Я тоже чувствую это, — сказал Мако, и его голос был тихим, почти задумчивым. — Как будто её энергия просто

перестала существовать для нас. Я пытаюсь дотянуться до неё, но... — он покачал головой, — ...как будто бился о стекло.

— Наверное, научилась скрывать свою энергию, — предположила Асами, и в её глазах зажёгся огонёк, который появлялся, когда она находила решение. — Я слышала, что старшие ученики в храме умеют так делать. Они медитируют годами, чтобы научиться становиться невидимыми для окружающих. Это не просто маскировка — это... — она помолчала, подбирая слово, — ...растворение. Они сливаются с миром, и их энергия становится частью всего вокруг.

Люцифер посмотрел на неё, и в его взгляде было виднелось удивление.

— Почему ты так думаешь? — спросил он.

— Просто если твоя сестра долгое время жила одна, она могла не хотеть, чтобы её нашли. Либо ей пришлось научиться защищаться таким образом. — Асами пожала плечами. — Люди редко скрываются без причины. И если она правда живёт в храме, у неё могли быть учителя, которые научили её этому. Это логично.

Эти слова заставили Люцифера замолчать. Он откинулся на спинку стула и посмотрел на горы, но его взгляд был рассеянным.

— Либо она просто не знает, что её ищет семья, и старается быть осторожной, — сказал Мако, стараясь сгладить напряжение. — Это не значит, что она прячется именно от

нас. Она ведь могла уже привыкнуть жить одна. И теперь не ждёт, что за ней кто-то придёт.

— Вы правы, — тихо ответил Люцифер. Он смотрел в свою чашку, словно искал в тёмной поверхности чая ответ, который никак не находился. — Но это не делает поиски легче. Я ведь просто хочу рассказать ей, что она не одна. Объяснить, кто мы друг другу. Почему я не были рядом всё это время. Почему... — он запнулся, и его пальцы крепче сжали чашку, — ...почему всё сложилось так, как сложилось.

— Ты слишком торопишься, — мягко сказал Мако. — Если она почувствует твоё нетерпение, может спрятаться ещё глубже. Ей нужно дать время, поэтому позволь ей самой сделать первый шаг.

Люцифер кивнул, но в его глазах читалось напряжение. — А если времени у нас нет?

Мако нахмурился и его палочки замерли на полпути ко рту. — Что ты имеешь в виду?

Люцифер посмотрел на Мако долгим, тяжёлым взглядом, словно собирался с силами.

— Отец начинает терять терпение, — признался он, и его голос стал ещё тише. — Самаэль хочет, чтобы я нашёл её как можно скорее. Он думает, что я недостаточно стараюсь. Что я мог бы найти её быстрее, если бы приложил больше усилий. — Он усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья. Только горечь. — Говорит, что я позволяю своим чувствам мешать делу.

— Ты делаешь всё возможное, — твёрдо сказал Мако, и его голос был резким, почти сердитым. — Ты ищешь её уже столько лет. Если Самаэль этого не понимает, это его проблема. Ты не должен позволять его давлению влиять на тебя.

— Легко говорить, когда тебя не ждёт отец, который считает каждую неудачу своим личным оскорблением. — Люцифер покачал головой, и в его глазах мелькнула усталость.

— Он не может превращать поиски дочери в приказ, — раздражённо произнёс Мако.

— Ты же знаешь, для него семья — это больше как долг. Обязанность. Ответственность. — сказал он тихо. — Он не знает, как по другому.

— А для тебя? — спросил Мако, и его голос был тихим, почти шёпотом.

Люцифер посмотрел на Мако долгим, изучающим взглядом. Потом медленно покачал головой.

— Нет. — Он помолчал, и его голос стал твёрже. — Благодаря Виктории я понял, что семья это место, куда хочется возвращаться, потому что там тебя точно поймут и поддержат. Поэтому я хочу увидеть свою сестру, знать, что она в порядке.

Мако положил палочки на стол и посмотрел на Люцифера с той серьёзностью, которая появлялась у него редко, но всегда была настоящей.

— Тогда не превращай поиски в погоню, — сказал он. — Ты хочешь вернуть сестру, а не напугать её.

Люцифер усмехнулся, но в его усмешке не было веселья, ведь он знал, что Мако прав.

— Ты прав. Спасибо, Мако. За то, что... — он не закончил, только махнул рукой, словно не находя слов. — Просто спасибо.

— Не благодари, — усмехнулся Мако. — Это моя работа. Терпеть твою паранойю и следить, чтобы ты ел.

— Ты забываешь, что я тоже слежу за тобой, — парировал Люцифер, и в его глазах мелькнула искра — та самая, которая появлялась, когда он был готов спорить.

— Ты следишь за мной? — Мако приподнял бровь. — И как успехи?

— Пока не очень. Ты слишком упрям, чтобы слушать советы.

— А ты слишком упёрт, чтобы их давать.

Асами, которая всё это время молча слушала, не выдержала и рассмеялась. Её смех прозвучал неожиданно в этой напряжённой атмосфере, и оба мужчины обернулись к ней.

— Простите, — сказала она, и её губы дрогнули. — Но вы действительно как старая супружеская пара. Я почти слышу, как вы обсуждаете, кто из вас забыл выключить свет в коридоре.

Люцифер и Мако переглянулись. Потом Люцифер неохотно фыркнул и Мако усмехнулся в ответ. Смех оказался коротким, но настоящим, и на несколько мгновений тяжесть исчезла. Даже горы, казалось, стали чуть менее холодными.

Асами смотрела на них и чувствовала тепло, ведь видела, как много эти двое значат друг для друга. Она понимала: их связь не была обычной дружбой. Это была опора, созданная годами испытаний, молчаливой поддержки, совместных побед и поражений. Они были братьями по духу и это помогало им держаться друг за друга, даже когда весь мир был против.

— Я рада, что вы есть друг у друга, — сказала она. — В мире, где так много злости, важно иметь того, кто останется рядом.

Мако посмотрел на неё.

— Ты тоже часть этого.

— Часть чего? — спросила она, и в её глазах мелькнуло удивление.

— Того, ради чего мы держимся. — Он помолчал, и его губы тронула едва заметная улыбка. — Ты мой свет в этой темноте. Без тебя я бы, наверное, давно сдался. Или сошёл с ума. Или и то, и другое.

Асами почувствовала, как предательское тепло поднимается к щекам, поэтому опустила взгляд, и её пальцы машинально коснулись края чашки.

— Если та закончил говорить красивые вещи, я пойду работать, — сказала она, и её голос был чуть более резким, чем она хотела. — Дела гостиницы сами себя не сделают. Мне нужно проверить комнаты, поговорить с новыми постояльцами, убедиться, что кухня готова к вечернему наплыву гостей. Иначе к ужину у нас будет не гостиница, а поле битвы.

— Конечно, — кивнул Мако, и в его глазах плясали смешинки. Он знал, что она прячется за делами, и это его забавляло.

Она поднялась из-за стола, и её коса скользнула по плечу. Но у выхода с террасы остановилась. — Мако.

— Да?

— Будь осторожен.

Он понял, что за этими словами скрывается больше, чем обычная просьба. Она знала, что он может не вернуться, если поиски заведут его слишком далеко.

— Буду.

— И возвращайся.

— Обязательно.

Асами ушла, и её шаги постепенно затихли в коридоре.

— У тебя хорошая девушка, — сказал Люцифер. — Видно, что она тебя любит.

— И я её люблю.

— Это тоже видно.

Мако посмотрел вслед Асами, на пустой проём двери, где она только что стояла. Потом перевёл взгляд на Люцифера.

— Она помогает мне помнить, что есть вещи важнее поисков. Важнее долга. Важнее всего остального. — Он помолчал, и его голос стал тише. — Поэтому я не хочу её потерять.

— И не потеряешь, — улыбнулся Люцифер. — Ты слишком упрям для этого.

— А ты слишком мрачен, чтобы давать советы о счастли-

вых отношениях,— парировал Мако.

— Я наблюдателен, — сказал Люцифер, и его глаза блеснули.

— Ты ворчлив.

— Это разные вещи.

Мако рассмеялся, но затем его лицо снова стало серьёзным.

— Люцифер, мы найдём её. Я обещаю.

— Ты уже давал мне это обещание, — тихо сказал Люцифер, и в его голосе не было упрёка.

— И каждый раз сдерживал его. — Мако пожал плечами. — Насколько мог.

— Но пока мы не нашли её. — Люцифер отвёл взгляд, и его пальцы сжали чашку. — Пока мы не нашли её, это обещание, которое просто помогают держаться. Но не больше.

— Поиски ещё не закончены, — Он помолчал, и его голос стал твёрже. — И в этот раз я уверен, у нас всё получится.Не как в прошлый раз. Не как в позапрошлый. Мы найдём её. Сегодня. Или завтра. Или через неделю. Но мы найдём.

Люцифер отвёл взгляд. За стеной гостиницы город постепенно хлопнула дверь лавки, где-то на соседней улице залаяла собака, над крышами протрубил первый утренний поезд. Свет становился ярче, но от этого тревога не исчезала. Она лишь проступала резче, как тень на белой стене.

— Я верю тебе, — сказал Люцифер. — Всегда верил.

Мако кивнул и не сказал ничего. Но в этом молчании было

больше, чем в любых словах.

***

После завтрака они вышли на прогулку. Лхаса уже полностью проснулась: улицы были заполнены людьми, торговцы выкрикивали свои товары, дети бегали по узким переулкам. В воздухе витал запах свежей выпечки, благовоний и цветов, которыми украшали город. Солнце поднималось всё выше, заливая улицы тёплым золотистым светом.

— Нам нужно проверить восточную часть города, — сказал Люцифер, поворачивая на главную улицу. Его глаза были напряжены, взгляд метался по сторонам, выхватывая из толпы лица. — Именно там её энергия была более осязаема.

— Хорошо, — согласился Мако, стараясь не отставать. — Но давай не будем привлекать слишком много внимания.

Люцифер ничего не ответил, просто кивнул и его шаг не замедлился.

Они зашли в небольшую лавку, где продавали сувениры: деревянные статуэтки, браслеты из бирюзы, шарфы из шёлка, резные шкатулки и молитвенные барабаны. Мако взял в руки маленькую статуэтку дракона, вырезанную из тёмного дерева, и повертел её в руках. Дерево было гладким, тёплым на ощупь, и он почувствовал, как внутри него отозвалась древняя сила — та, что текла в его крови.

— Красивая работа, — заметил он, разглядывая тонкую резьбу, изображавшую чешую дракона. — Очень точная. Мастер явно знал, что делал.

Торговец, старый тибетец с глубокими морщинами на лице и пронзительными чёрными глазами, улыбнулся. Его руки были покрыты мозолями.

— Вы ищете что-то особенное, господин? — спросил он. — Я вижу, что вы не местный. Ваши глаза не такие, как у людей, которые приходят сюда за сувенирами.

— Просто смотрим, — вежливо ответил Мако, возвращая статуэтку на место. — Мы путешествуем. Хотим увидеть город перед фестивалем.

— Путешествуете, — торговец хитро прищурился. — Или ищете что-то? В последнее время в городе много таких, как вы. Все что-то ищут: одни ищут мудрости, другие приключений. Но вы, — он внимательно посмотрел на Люцифера, — вы ищете человека.

— Возможно, — ответил Люцифер, стараясь сохранять спокойствие.

— Тогда вам лучше это делать не здесь.

— Почему?

— Потому что ваш взгляд настораживает. Вы смотрите на людей так, будто хотите выжечь их души. Такие глаза остаются в памяти надолго.

Мако едва заметно усмехнулся.

— А вы наблюдательны.

— Семьдесят лет на базаре учат замечать больше, чем хотелось бы. Вы не первые, кто приходят сюда с вопросом. — Торговец посмотрел на Люцифера. — Но вы первый, кто вы-

глядит так, будто сам не знает, что найдёт, если получит ответ.

Люцифер наклонился к прилавку и его алые глаза сузились. В лавке стало тихо. Даже уличный шум, казалось, отступил, приглушённый густой тканью висевших под потолком шарфов.

— Мы ищем девушку, — сказал Люцифер, и его голос был тихим, почти ласковым.

— В Лхасе много девушек. — Торговец пожал плечами, а его руки перебирали украшения на прилавке.

— Эта особенная.

— Все девушки особенные, если вы достаточно долго смотрите.

— Она блондинка, — решил вмешаться Мако, ведь в отличии от Люцифера он умел говорить так, чтобы не давить, но при этом получать ответы.— С голубыми глазами.

Торговец перестал перебирать украшения. Его пальцы замерли на бирюзовом браслете, и в лавке снова стало тихо.

— Из храма Джокханг? — спросил он почти шёпотом.

Люцифер замер. Его сердце забилось быстрее, но лицо осталось спокойным.

— Вы её знаете?

— Лично нет. — Торговец покачал головой, и его морщины стали глубже. — Но она недавно вернулась в храм, поэтому сейчас о ней часто говорят. Люди шепчутся. Слухи ходят разные.

— Что именно? — Люцифер подался вперёд, и его пальцы сжали край прилавка.

Старик оглянулся, словно проверяя, кто может услышать разговор. Его голос стал тише.

— Она живёт в храме уже много лет, но не местная. Пришла настолько давно, что люди уже и не помнят когда. Настоятель относится к ней как к дочери. — Он помолчал, и его глаза метнулись к Люциферу. — И говорят, что она умеет управлять несколькими стихиями. Я сам видел, как она остановила дождь над площадью пару лет назад. Просто подняла руку и облака расступились. Люди тогда шептались, но быстро забыли, ведь Лхасе много чудес. Но это было что-то особенное, что-то, чего я раньше не видел.

— Что ещё?

— Она редко появляется в городе. — Торговец пожал плечами. — Но если появляется, её трудно забыть.

— Почему?

— Из-за глаз. — Старик помолчал, и в его взгляде было что-то, что было похоже на благоговение. — Голубые, как лёд на горных озёрах. Только дело не в цвете. Взгляд у неё такой, будто перед тобой стоит кто-то важный. Человек, которому опасно лгать. — Он помолчал, и его голос стал ещё тише. — Я видел много людей за свою жизнь, но таких глаз единицы. Они не забываются. Даже если очень хочется.

Мако почувствовал, как напрягся Люцифер, и осторожно коснулся его плеча.

— Это может быть совпадением.

— Но не сейчас, — тихо ответил Люцифер и снова посмотрел на торговца. — Вы знаете, где она сейчас?

— Нет. Такие девушки не сообщают торговцам, куда идут.

— Но вы видели её?

— Несколько раз. Она проходит здесь иногда.

— Можете ещё что-то сказать?

Старик пожал плечами, но в его глазах мелькнула осторожность.

— Она не похожа на тех, кто любит, когда за ними ходят по пятам, — сказал торговец. — Держится спокойно, но замечает всё вокруг. Иногда приходит одна, иногда с вороном.

Люцифер едва заметно изменился. Его глаза на мгновение расширились.

— С вороном? — переспросил Люцифер.

— Да. Чёрным. Большим. — Торговец наклонил голову, и в его голосе послышалось что-то, что было похоже на уважение. — Слишком умным для птицы. Он не просто сидит на плече — он наблюдает. Оценивает. Как будто не просто птица, а её верный страж. И я никогда не видел, чтобы вороны так смотрели на людей. Этот словно понимал всё, что они говорят. Словно запоминал.

Мако обменялся с Люцифером коротким взглядом. В этом взгляде было понимание: они оба знали, что такие птицы не бывают обычными.

— И давно вы видели её в последний раз? — спросил он,

стараясь говорить спокойно.

— Вчера утром. — Торговец чуть наклонил голову, словно вспоминая. — Она покупала выпечку у Аммы. Той, что держит пекарню на углу. Потом ушла в восточную часть города.

— Одна?

— Насколько я видел.

— Вы уверены, что это была именно она?

Торговец усмехнулся.

— Если бы вы видели её, тоже были бы уверены. Такие люди не растворяются в толпе. Даже когда стараются быть незаметными. — Он помолчал, и его взгляд стал задумчивым. — Есть в ней что-то такое... древнее, что ли. Что-то, чего нет в обычных людях. Это чувствуется. Даже на расстоянии.

Люцифер достал из кармана крупные купюры, онибыли мятыми, словно он сжимал их в кулаке всю дорогу, и положил на прилавок. Его руки дрожали, и он с трудом удерживал их в спокойствии.

— Спасибо. Вы помогли больше, чем думаете.

Торговец посмотрел на них, но не сразу протянул руку. Его взгляд стал серьёзным, и он медленно покачал головой.

— Если это действительно та, кого вы искали, советую подумать, зачем она скрывается.

Люцифер остановился. Его плечи напряглись, и он медленно повернулся к торговцу.

— Вы считаете, она скрывается от нас?

— Я считаю, что человек, живущий при храме и редко выходящий в город, наверняка имеет причины не показывать себя каждому встречному.

Мако забрал деньги и вложил их обратно в руку Люцифера.

— Мы не причиним ей вреда.

— Это хорошо, — ответил старик, и его голос стал мягче. — Но иногда люди причиняют боль именно потому, что уверены в своих добрых намерениях.

Люцифер ничего не сказал. Его взгляд стал тяжелее, но он кивнул и вышел из лавки.

Они отошли от лавки, растворившись в движущемся потоке людей. Несколько мгновений Мако позволял другу идти молча. Он видел, как Люцифер сжимает кулаки, как его дыхание стало прерывистым, как он почти не замечает ни толчков прохожих, ни криков торговцев, ни ярких лент, колыхавшихся над улицей.

— Это действительно она, — сказал он наконец, и его голос был глухим, словно он говорил сам с собой.

— Не торопись с выводами, — мягко сказал Мако. — Мы нашли возможную зацепку, но не доказательство.

— Мако.

— Я слышу тебя. Но нам нужно сначала убедиться, что это действительно она.

Люцифер резко остановился. Его алые глаза вспыхнули

так ярко, что Мако на мгновение замер.

— Блондинка с голубыми глазами. Живёт в храме. Управляет несколькими стихиями. Появилась много лет назад. — Люцифер выдохнул, и его голос стал тише, почти шёпотом. — Что ещё должно совпасть? Скажи мне, что ещё я должен увидеть, чтобы поверить?

— Её энергию, — сказал Мако, глядя ему прямо в глаза. — Мы ощущаем слабый след, но он не является человеком. Это эхо. И оно может обманывать.

— Для меня разница почти незаметна.

— А для неё может стать разницей между безопасностью и опасностью.

Люцифер отвёл взгляд. Он понимал, что Мако прав, но от этого становилось только тяжелее. Провёл рукой по лицу, пытаясь успокоиться.

— Я не собираюсь хватать её и тащить в Ад.

— Тогда не веди себя так, будто готов броситься к ней прямо сейчас. Ты выглядишь как охотник, который выслеживает добычу. Но она не добыча, Люцифер. Она твоя сестра.

— Я хочу увидеть её. Просто увидеть. Убедиться, что она жива, реальна, что все эти годы не были напрасны.

— Мы уже могли видеть её.

Люцифер повернул голову, и в его глазах мелькнуло удивление.

— Что ты имеешь в виду?

— Торговец сказал, что она была здесь вчера. Если она действительно та, кого мы ищем, значит, она была и на площади. Рядом с нами. Получается, она знает, что за ней наблюдают, и могла находиться рядом всё это время.

Люцифер задумался. В его взгляде мелькнула тень сомнения.

— Получается, она знает, что мы здесь. И решила не приближаться.

— Верно. Скорее всего сейчас она пытается понять кто мы и что нам нужно. — Мако пожал плечами. — Если она живёт в храме, значит, она привыкла быть осторожной. Поэтому она не бросится к нам навстречу, а наоборот будет наблюдать. Ждать. Изучать.

— Тогда мы должны показать, что не опасны.

— Именно. — Мако кивнул. — Поэтому нам нужно вести себя как обычные путешественники, а не как те, кто выслеживает добычу. Не оглядываться. Не смотреть по сторонам так, будто мы кого-то ищем. Просто... — он пожал плечами, — ...быть здесь. Гулять. Смотреть на храмы. Покупать сувениры. Как все.

Люцифер кивнул, но его глаза продолжали гореть алым пламенем. Он чувствовал, что близок к цели, и это придавало ему сил. Он почти бежал по улице, и Мако с трудом поспевал за ним, но заставил себя замедлиться, вспомнив слова друга. Он не хотел спугнуть её. Не сейчас, когда они были так близко.

***

Тем временем в «Доме утренней зари» Скарлет готовилась к выходу. Она решила, что сегодня ей стоит одеться более традиционно, чтобы не выделяться среди местных жителей. Пема одолжила ей тёмно-красный шарф, который хорошо скрывал её платиновые волосы, а также длинную юбку из плотной ткани, удобную и не сковывающую движений. Шарф был мягким, с вышитыми золотыми нитями узорами, и пах лавандой и сандалом.

Скарлет выбрала тёмно-синюю блузку с длинным рукавом, которая подчёркивала её фигуру, и мягкие кожаные сапоги, которые почти не издавали звука при ходьбе. После она накинула шарф на голову, стараясь плотнее укрыть им свои пряди. В зеркале отражалась незнакомка, девушка, которая могла затеряться в толпе, не привлекая внимания. Платиновые волосы полностью скрыты под тканью, и только несколько прядей выбивались у лица, придавая ей более мягкий вид.

— Как я выгляжу? — спросила она у Мурасамэ, который сидел на подоконнике.

— Как местная, — ответил он с лёгкой насмешкой. — Ну почти. Но твои глаза всё ещё выдают тебя. Они слишком яркие для обычной девушки из Лхасы.

— Ничего не могу с этим поделать, — она улыбнулась, поправляя шарф. — Это моя суть. Я не могу сделать их тусклее, даже если захочу.

— Твоя суть привлекать внимание, — Мурасамэ фырк-

нул. — Но сегодня это не поможет. Осторожность это главное. Если они увидят тебя, мы окажемся в затруднительном положении, так как пока не знаем, кто они и что им нужно. И, честно говоря, мне не очень хочется выяснять это на бегу.

— Я знаю, — она накинула шарф на голову, закрепляя его маленькой серебряной брошью в форме цветка лотоса. Брошь была старой, с потускневшим металлом, но Скарлет любила её, это был подарок Пемы на один из её дней рождения.

— Я буду осторожна. Просто хочу увидеть их и понять, что им нужно.

— Ты говоришь это так, будто у тебя есть план. — Мурасамэ склонил голову набок, и в его глазах заплясали насмешливые искорки.

— У меня всегда есть план.

— Твой план обычно заключается в том, чтобы импровизировать на ходу.

— И это работает. — Скарлет пожала плечами.

— Пока работает. — Мурасамэ хмыкнул. — Но однажды твоя импровизация закончится тем, что мы оба окажемся в подвале у каких-нибудь фанатиков, которые будут петь над нами ритуальные песни.

Скарлет усмехнулась. — Ты слишком беспокоишься.

— Это моя работа, беспокоиться о тебе, — ответил Мурасамэ, и в его голосе слышалась ворчливая нотка, которую она знала слишком хорошо. — Кто-то же должен следить,

чтобы ты не влезла в очередную передрягу.

— Я влезаю в передряги не так часто, как ты думаешь.

— Ты влезаешь в них достаточно часто, чтобы я начал вести счёт.

— И какой счёт?

— Достаточный, чтобы не продолжать этот разговор. — Мурасамэ фыркнул. — Иначе ты начнёшь спорить, а я, в отличие от тебя, не люблю тратить время на бесполезные дискуссии.

— Ты просто не любишь проигрывать.

— Я не проигрываю. Я стратегически отступаю.

Скарлет покачала головой, но улыбка не сходила с её лица. Мурасамэ бесшумно спрыгнул с подоконника, в следующее мгновение его тело растворилось в воздухе и он слился с её правой рукой. Линии контракта на её запястье на мгновение вспыхнули серебристым светом, а затем погасли, оставляя только лёгкое тепло под кожей.

— Ты готова? — спросил он в её сознании, и его голос был спокойным, уверенным, хотя Скарлет чувствовала в нём нотку тревоги, которую он старался скрыть.

— Всегда готова, — ответила она, выходя из комнаты.

***

Базар в Лхасе был местом, которое почти никогда не спало. Здесь смешивались запахи, звуки и цвета: яркие ткани, драгоценности, пряности, свежая выпечка. Воздух был густым и тёплым, наполненным ароматами жареного мяса,

сладкого чая, сандалового дерева и дыма от жаровен. Солнце стояло высоко, заливая базарные ряды ярким золотым светом, и тени от навесов создавали причудливый узор на земле. Где-то вдалеке играла музыка, простая, но завораживающая мелодия на струнных инструментах.

Скарлет шла медленно, не привлекая внимания. Остановилась у лавки с пряностями, затем у прилавка с тканями, несколько раз меняла направление, проверяя, не идёт ли кто-то следом. Шаги были лёгкими, почти бесшумными, и она старалась не смотреть на людей слишком пристально. Её глаза всё время искали энергии незнакомцев. Каждый раз, когда она видела высокого мужчину или человека с необычным цветом глаз, сердце замирало. Но это были не они.

Мурасамэ старался помочь, но не мог дать ей полной картины.

— Я чувствую их присутствие, но не могу определить расстояние, — сообщил он, и в его голосе слышалась досада. *— Земля Лхасы продолжает мешать мне. Здесь слишком много людей, слишком много энергий. Всё это смешивается с энергией города, и я не могу выделить их из общего шума.*

— Значит, придётся полагаться на глаза. — Спркойно произнесла она.

— И на здравый смысл.

— Не требуй невозможного, — она усмехнулась, и в её глазах мелькнули знакомые искорки.

— Я требую только того, что тебе по силам, ведь ты уме-

ешь быть незаметной, когда хочешь. — Его голос стал серьёзнее. — Помни Скарлет, что сегодня ты не охотница, а наблюдатель.

— Я помню.

— Хорошо. Тогда продолжай.

У прилавка с дешёвыми украшениями Скарлет услышала разговор двух торговцев. Один из них, пожилой мужчина с руками, покрытыми мелкими шрамами, говорил о приезжих. Его голос был низким, с хрипотцой, и он явно наслаждался тем, что делится новостями.

— Эти двое опять были тут, — сказал он, перебирая браслеты из бирюзы. Его пальцы, грубые и мозолистые, двигались быстро и ловко. — Спрашивали о девушке из храма.

Скарлет остановилась, перебирая серебряные подвески. Её пальцы скользили по холодному металлу, но всё её внимание было сосредоточено на разговоре.

— О какой девушке? — спросила она, не поднимая головы.

Торговец посмотрел на неё с любопытством. Его глаза прищурились, и он на мгновение задержал взгляд на её лице, словно пытаясь понять, кто она.

— О беловолосой, — сказал он с заговорщицкой интонацией. — Говорят, она управляет несколькими стихиями. Не знаю, правда ли это, но люди шепчутся. Такие слухи не возникают на пустом месте.

Внутри Скарлет всё похолодело, и ей пришлось сделать

глубокий вдох, чтобы сохранить спокойствие. Она медленно выдохнула, считая до трёх, как учил её старый наставник в храме. Её пальцы продолжали перебирать подвески — машинально, почти бездумно.

— В Лхасе много талантливых учеников из храма и ещё больше странных слухов, — сказала она, стараясь говорить ровно. — Это город богов и мудрецов. Здесь легко поверить в чудо, даже если его нет.

— А ещё говорят, что настоятель относится к ней как к дочери, — продолжил мужчина. — Она редко появляется, но люди её запоминают.

Скарлет положила подвеску на место. Её пальцы слегка дрожали, и она спрятала руки в складках юбки.

— И всё же, вы узнали, кого конкретно ищут эти двое? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал небрежно. — Или они не слишком разговорчивы?

Торговец усмехнулся, и в его усмешке было что-то снисходительное.

— Если бы узнал, стал бы говорить об этом с каждым прохожим? Но я знаю только, что красноглазый не останавливается. — Он сделал паузу, как будто что-то вспоминая. — А ещё его глаза, я видел такие глаза только в старых книжках со сказками или легендами. Он похож на демона. Уверен, такие существа не умеют отступать.

Лицо Скарлет оставалось безразличным, хотя внутри неё всё кипело.

— Демонов не существует, — сказала она, и её голос был ровным, почти холодным. — А если бы и были, то не появились бы тут. Этот город слишком светлый для них.

Торговец прищурился, и в его глазах мелькнула искра понимания — быстрая, почти незаметная, но Скарлет успела её заметить. Он покачал головой, и его шрамы на руках натянулись, как старые канаты.

— Ты правда так думаешь? — спросил он, и в его голосе послышалась насмешка. — За семьдесят лет я видел в этом городе достаточно странного, чтобы не спорить с чужими убеждениями. Демоны или нет, а ищут они кого-то важного. И почему-то мне кажется, что ты тоже знаешь больше, чем говоришь.

Скарлет улыбнулась той самой улыбкой, которая не касалась глаз.

— Вам кажется, — сказала она, и в её голосе послышалась лёгкая насмешка. — Я просто путешественница. Смотрю на город. Покупаю сувениры. Ничего больше.

Она положила на пару купюр, ровно столько, сколько стоила подвеска, и взяла её. Металл был холодным, почти обжигающим, и она сжала его в кулаке, словно пытаясь удержаться за что-то реальное.

— Будь осторожна, «путешественница», — сказал торговец ей в спину почти шёпотом. — Сейчас в Лхасе слишком много теней. И не все они от солнца.

Скарлет не обернулась. Она просто коротко кивнула и

отошла от прилавка, не ускоряя шага. Сердце колотилось где-то в горле, и ей приходилось считать шаги, чтобы не сбиться на бег. Один. Два. Три. Толпа вокруг неё была плотной, живой, шумной, торговцы выкрикивали цены, дети смеялись, где-то играла музыка, и сейчас всё это казалось ей чужим, далёким, словно она смотрела на мир сквозь толстое стекло.

— Он не знает, кто ты. Но чувствует, что что-то не так., — сказал Мурасамэ в её сознании. Его голос был напряжённым, но в нём не было паники. *— Но всё же решил предостеречь.*

— Или просто любит пугать туристов, — ответила она мысленно. *— Кажутся в Лхасе это что-то на подобии местного хоби среди торговцев.*

— Но т ы не туристка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.